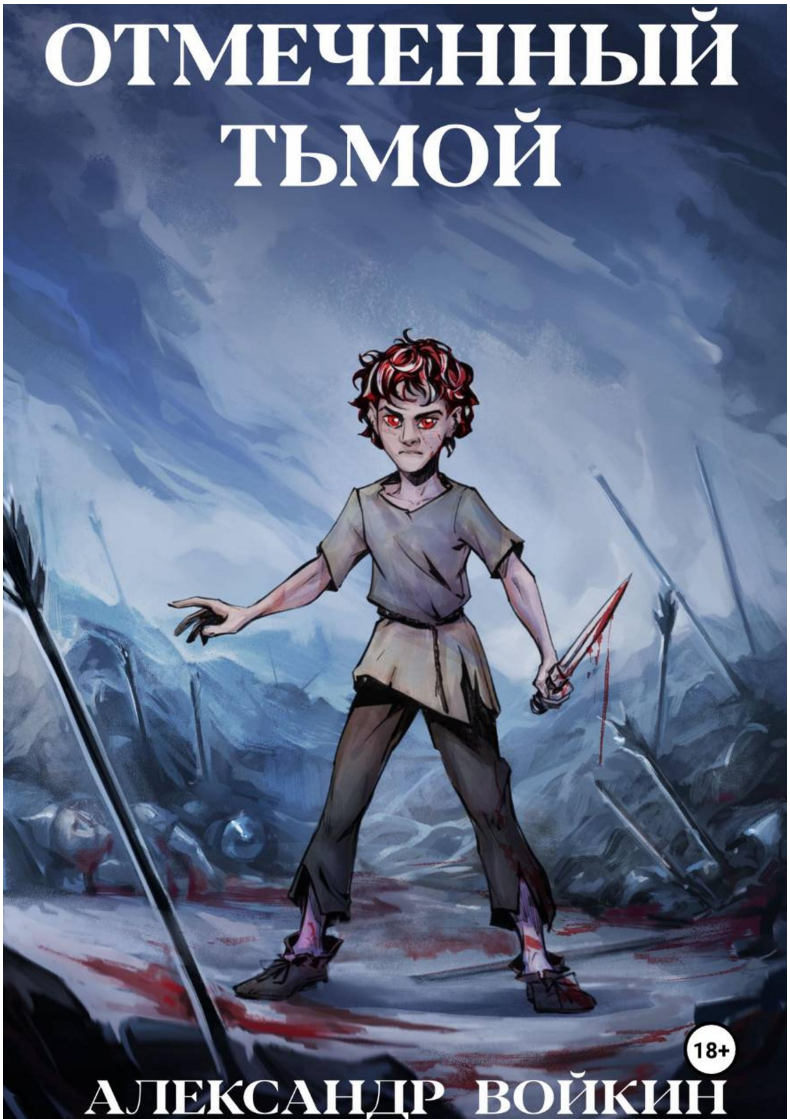
ОТМЕЧЕННЫЙ ТЬМОЙ

18+

АЛЕКСАНДР ВОЙКИН

Александр Войкин
Отмеченный тьмой. Часть 1

https://litres.ru/74702703
SelfPub; 2026

Аннотация

Этот мир погряз в бесконечной войне. Дюжина государств грызется друг с другом за ресурсы и территорию, наплевав на потери и людские жизни. Даже боги и демоны оказались втянуты в конфликт. И в этот момент бывший бог, Аррид им-Фаэ, переживший предательство и тысячелетие в забвении, попадает в тело умирающего мальчика по имени Рэн. Обессиленный, не обладающий даром, наделённый лишь стальной волей и жаждой мщения, кем он станет теперь? Это лишь начало его пути. Пути могущества. Пути чести. Пути, который приведёт к величию. Если удастся выжить.

Содержание

Отмеченный тьмой 4
Пролог 4
Глава 1 – Рэн 16
Глава 2 – Истории мельника 25
Глава 3 – Три медные монеты 35
Глава 4 – Договор 46
Глава 5 – Побег 56
Глава 6 – Невольник 65
Глава 7 – Путь 76
Глава 8 – Ночь 89
Глава 9 – Хозяин 100
Глава 10 – Обман 114
Глава 11 – Оправдание 129
Глава 12 – Истина каждого 139
Глава 13 – Принявший Клятву 151
Глава 14 – Помощник 165
Конец ознакомительного фрагмента. 179

Александр Войкин
Отмеченный тьмой. Часть 1

Отмеченный тьмой

Пролог

Двое встретились в цветущем саду, под раскидистой сенью дерева, не имеющего названия. Оба остановились, на мгновение вдохнули свежий воздух, наполненный ароматом цветов, а затем взглянули друг на друга.

Один выглядел гораздо моложе другого: высокий, статный, с правильными чертами лица, прямым узким носом, живыми, чуть сощуренными, глазами и улыбкой на губах. Длинные волосы, связанные в множество мелких косичек, свободно разметались за спиной. Одет он был в легкий костюм, состоящий из тонких голубых брюк из шелковой ткани и такого же покроя рубашки, застегнутой на пуговицы.

Второй казался лет на пять-семь взрослее, был чуть пониже ростом, но шире в плечах, да и в целом оставлял впечатление крепкого воина. Грубые черты лица, чуть искрив-

ленный нос, ледяной взгляд, сопровождаемый вечно нахмуренными бровями, плюс коротко стриженные волосы – все это дополняло образ воителя. К тому же, одет он оказался в кожаный камзол, темно-серого цвета, и похожие штаны, заправленные в сапоги.

- Грид, - приветствовал старший молодого. Тот учтиво склонил голову.

- Нарт. Рад видеть тебя, наставник.

Воитель усмехнулся, взгляд его стал чуточку теплее.

- И я, парень. Сколько мы не виделись? Сто лет?

- Почти три века, - рассмеялся Грид. – Кажется, последняя встреча состоялась на божественном собрании пяти царств, а после мне пришлось отправиться в длительное уединение.

- И вот ты вернулся, - Нарт запрокинул голову, с наслаждением втянул приятный аромат, свидетельствующий о скором наступлении весны. Впрочем, в божественном саду всегда было много цветов, зима сюда не заглядывала.

- Что нового в Царствах? – полюбопытствовал Грид. – Как мой брат?

- Аррид в последнее время сам не свой, и среди небожителей пошли слухи, что пора бы владыке отправиться на покой, - вновь нахмурился Нарт. Грид покачал головой, задумчиво глядя на кружащиеся в воздухе лепестки.

- Плохо. Он всегда отличался излишней жесткостью, и если узнает о малейшем намёке на заговор…

- Не узнает, - улыбнулся вдруг воитель. – Уже нет.

Грид побледнел, ощутил, как быстро забилось сердце.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Кажется, именно сейчас дюжина богов должна заманить его в ловушку, а затем прикончить. С сегодняшнего дня нам полагается выбрать нового Короля.

Грид облизнул пересохшие губы, настороженно взглянул на давнего товарища и наставника.

- Зачем? Что плохого совершил мой брат?

- Он перестал заботиться о благе Царств, стал одержим идеей уничтожения Ада, - Нарт недовольно цокнул языком. – Еще немного, и в любом случае произошел бы бунт. Это был лишь вопрос времени. Аррид сам вырыл себе глубокую могилу, и, полагаю, больше мы никогда его не увидим.

- Он переродится, - уверенно сказал Грид. Воин коротко рассмеялся.

- Сомневаюсь. Кинжал Разъединения стирает саму связь с миром, и тем самым наш Король надолго отправится в колесо перерождений. Быть может, он никогда больше не ступит на земли какого-либо из миров.

- Это слишком жестоко, - прошептал юноша. – Он не заслужил подобного.

- Ты плохо знаешь своего брата, ведь о тебе он, в отличие от многих других, заботился и всячески ограждал от проблем, - заскрипел зубами Нарт. Меж пальцев воителя пробежали молнии, и, словно испугавшись своего порыва, мужчина моргнул, отошел на шаг. Молнии исчезли.

- К чему эта встреча? Вы хотели, чтобы он остался совершенно один, не так ли? Но с ним всегда Аирэ, его жена, - Грид торжествующе сложил руки на груди.

- Аирэ первая всадит Кинжал в грудь повелителя, - с некоторой печалью произнес воин. Грид отшатнулся, изумленно вгляделся в глаза товарища, словно пытаясь увидеть намёк на то, что он пошутил. Но тщетно.

- Как? – прохрипел молодой бог. – Они всегда были вместе, столько тысячелетий! Любовь поддерживала их, даже когда началась череда войн.

- Политика Аррида затронула и Аирэ, - пробормотал Нарт. – Как видишь, все отвернулись от твоего брата, и некому помочь ему в последние минуты жизни.

- Проклятье на вас! – процедил Грид. – Я остановлю их!

- Нет, - воитель незаметно переместился почти вплотную к юноше, схватил за плечо. – Ты останешься здесь, а затем вернешься вместе со мной в Колыбель Власти, наденешь корону Аррида и возьмешь Аирэ в жены.

- Я не стану предавать его, - отрезал Грид. – Это мой брат, Нарт! Я не настолько низко пал, как вы, трусливые твари!

- Ты должен, малыш. Поверь, такова воля Короля.

Взгляд Нарта на мгновение словно бы погас, из носа воителя потекла струйка крови. Бог осторожно коснулся её рукой, вытер, оставив алый след на ладони.

Грид ощутил, как острая боль кольнула сердце, словно невидимая длань сжала его, угрожая раздавить, прервать

нить жизни молодого бога. Но наваждение длилось буквально пару мгновений, а затем юноша осознал себя стоящим на коленях, вцепившись пальцами в землю. По щекам его текли слезы.

- Он ушёл, - спокойным тоном произнес Нарт. – Нашего Короля больше нет. Аррид им-Фаэ никогда более не ступит на земли Царств. Величайшее зло этих миров повержено.

- Он не был злом, - прошептал Грид, выпрямляясь и вытирая слезы. – Он лишь искал способ спасти всех, но выхода, кроме как использовать Тьму, не было. И ты прекрасно это знаешь.

- Тем не менее, присутствие Аррида отравляло Царства, все вокруг прекрасно видели, как воздействовала Тьма на благословенные земли. Поверь мне, твой брат не сопротивлялся, когда понял, что его хотят убить.

- Почему? – хриплым голосом спросил юноша, поднимаясь на ноги.

- Потому что он готов был к такому повороту событий. Правда, не ожидал, что главной убийцей станет его жена. Полагаю, именно это стало решающим ударом для Аррида. Какая ирония…

Грид не ответил, взглянул на чуть розоватое небо, такое яркое и невыносимо прекрасное, и еще раз прокрутил в голове прощальные слова брата, услышанные им перед тем, как Аррид умер.

«Грид, я знаю, что не был тебе лучшим братом и другом,

но поверь, ты очень много значишь для меня. Мои подданные решили убить меня, и им это удалось, но, чего я точно не ждал, так это предательства Аирэ. Столько тысячелетий мы прожили вместе – и вот она, благодарность за всё, что я сделал для неё. Кинжал Разъединения, кстати, весьма удобная штука, его удары не причиняют боли. Но я прекрасно понимаю все последствия. Мне никогда больше не оказаться в Царствах, не взглянуть на своих детей, не увидеть, как ты станешь старше и мудрее. Поэтому, брат, уж постарайся стать величайшим из Королей, и не беспокойся обо мне. Быть может, Судьба сжалится над непокорным слугой и предоставит шанс на перерождение. Прости и прощай.».

- Прощай, брат, - прошептал Грид. – Ты был великим Королем, Пляшущий-с-Бездной. И кем я буду, если подведу тебя? Нарт!

Он повернулся, твёрдо взглянул бывшему наставнику в лицо.

- Я готов взять на себя ответственность и стать новым повелителем Царств. Но горе тем, кто осмелится предать меня и повторить случившееся с Арридом. Я не прощу ни единой ошибки.

Нарт довольно усмехнулся, поклонился, признавая верховенство юноши.

- В таком случае, пора отправиться на коронацию, Владыка.

Грид бросил последний взгляд на парящие в воздухе ле-

пестки, стиснул зубы и шагнул вслед за Нартом в раскрытый портал. Теперь он сам по себе, и это значит, что будет нелегко. Но он справится, ведь наставления брата до сих пор набатом отдаются в ушах. И начнёт с казни Аирэ, властная стерва должна понести наказание.

Ведь древний закон гласит: «Никто не смеет проливать кровь Короля. Поднявший руку, да будет сожжен и развеян по ветру, на веки вечные проклят и лишен права переродиться вновь».

Грид ощутил, как губы растягиваются в предвкушающей улыбке. Брат будет гордиться им, в какой бы бездне межвременья он не оказался…

В бесконечном океане тьмы плыл ярко-серый огонёк. Он находился здесь уже целое тысячелетие, не испытывая ничего, кроме боли и страданий. Само пребывание во тьме заставляло душу бывшего бога содрогаться, несмотря на то что при жизни он являлся темнейшим из пантеона. В этом месте все было иначе, более сильным и неприятным.

«Сказал бы кто раньше, что я буду бояться тьмы, рассмеялся бы ему в лицо», - подумал Аррид. Тысяча лет боли и тщательно накапливаемой ненависти. Владыка звал Судьбу, обращался к Смерти, к кому угодно, только бы ему дали шанс обрести новое воплощение, пусть даже придётся начать свой путь с нуля. Жажда мщения разжигала яркое пламя воли, не давала сойти с ума. Но Аррид слабо верил в воз-

можность вновь стать живым.

«Похоже, где-то я свернул не туда. Иначе откуда столько ненависти в мою сторону?», - подумал бывший бог. – «Если бы только еще один шанс…»

Где-то впереди сверкнула вспышка, словно кто-то высек искру. Одну, затем еще одну, и еще… вспышки стали чаще, и вскоре все вокруг Аррида засияло. Тьма сменилась светом, окружившим душу Короля и прогнавшим всю боль, терзавшую его.

Прямо перед Арридом возник широкий белоснежный коридор, неумолимо приближавшийся.

«И что там, по ту сторону?», - только и успел подумать Владыка, прежде чем наполненная огнями бездна исчезла окончательно, а его с невероятной скоростью потянуло куда-то…

…в сознание ворвались звуки: шелест ветра за окном, скрип стула под кем-то, сидящим рядом. И он сам, лежащий на довольно жёсткой кровати, укрытый колючим покрывалом, то ли из шерсти, то ли из волокон растения.

Аррид решил, что время открыть глаза, и тут в голове раздался звонкий детский голос:

«Кто ты?».

«Меня зовут Аррид им-Фаэ. А тебя?», - откликнулся бывший бог.

«Рэн. Что произошло? Я лежал в своей постели, потом начался очередной приступ, кашель с кровью, и вдруг бам –

я здесь, в светлой комнате.»

Аррид мысленно вздохнул. Похоже, Судьба предоставила ему шанс переродиться, но вместо него должен уйти ребёнок. Чем же болен малыш?

Краткое сканирование организма мальчика привело к неутешительным выводам: он медленно умирал. Уже сейчас ткани потихоньку начали отмирать, а сознание, похоже, окончательно вытеснено из тела волей Аррида. Как же поступить?

«Похоже, у меня нет иного выбора», - решил Король. Мысленный импульс, и вот он в светлом зале, лишенном какой-либо мебели, окон и дверей. Единственный обитатель зала – маленький нескладный мальчишка лет четырех-пяти, сидел на полу, но сразу же вскочил на ноги, стоило Арриду появиться.

- Так это с тобой я разговаривал? – обрадовался он. – Ты пришел спасти меня?

- Увы, я не способен привязывать чужие души к их телам, - покачал головой Владыка. – Но могу сделать кое-что другое. Провести слияние.

- Какое слияние?

- Наши души соединятся в одну, и не будет больше ни тебя, ни меня, только новая сущность, взявшая все наши знания и умения.

Мальчик задумался, потом сокрушенно вздохнул.

- Это что, получается, я умер?

- Мне жаль, - Аррид печально склонил голову. Рэн утёр невольно хлынувшие слезы рукавом рваной рубахи, тряхнул копной непослушных кудрявых волос.

- Давай проведем слияние! Ты ведь сможешь исцелить моё тело, правда?

- Смогу, но только если стану полноценным его владельцем.

- Тогда, слившись, мы оба останемся живы, - обрадовался мальчик. – И пусть это буду уже не я, и не ты, но кто-то, похожий на нас.

- Ты прав, Рэн, - улыбнулся Аррид.

- Что ж, начинай! – ребёнок уселся на пол, с любопытством уставился на бывшего Короля. Бог хмыкнул, прикрыл глаза, активировал особое зрение, позволяющее увидеть нити, пронзающие окружающее пространство. Найдя нить Рэна, он легонько коснулся её. Мальчик вздрогнул. Аррид одной рукой ухватился за его нить, другой взял свою. Теперь предстояло самое сложное: связать нити воедино. Ощущая, как пот покатился по спине, Владыка приблизил оба конца и принялся соединять, образуя плотный двухцветный узел. Это требовало больших затрат энергии, которой у Короля и так осталось крайне мало. Будь он в своем теле, с прежним запасом сил – смог бы управиться за пару секунд, но теперь прошло, по меньшей мере, два часа, прежде чем узел оказался готов.

- И что теперь? – удивился мальчик. – Я ничего не чув-

ствую.

Аррид щелкнул пальцами. Обе разноцветных нити задрожали, словно кто-то натянул их и тронул пальцем, а затем цвета начали сменяться один за другим: синий, белый, оранжевый, жёлтый…

Рэн вскрикнул, испуганно взглянул на медленно рассыпающееся воплощение своего физического тела, крохотными песчинками оно разлеталось под порывами несуществующего ветра. С Арридом происходило то же самое.

И вот, наконец, нити успокоились, определившись с выбором цвета: это оказался тёмно-синий. В тот же миг разлетевшиеся изображения Аррида и Рэна слились в одно, объединенное. Рэн обладал светлой шевелюрой, а Король – чёрной. Волосы новой сущности стали чёрными с вкраплениями русых прядей. Пусть это по-прежнему был мальчик-Рэн, но изменился и цвет его глаз: из карих они стали тёмно-бордовыми. Пару раз моргнув, изображение ребёнка пропало из белоснежного зала, оставив после себя лишь пустоту…

В этот самый миг умирающий мальчик открыл глаза. Его мать, сидевшая у постели больного, изумлённо ахнула: цвет волос и радужки глаз изменился, и поначалу женщине показалось, будто это не её сын. Но он удивлённо, словно вспоминая, осмотрел комнату, затем остановил взгляд на матери.

- Мама, - тихим слабым голосом сказал мальчик.

- Рэн! – обрадованно воскликнула женщина и заключила ребёнка в объятия.

«Рэн», - подумал он, прижимаясь к матери. - «Нет больше ни Аррида, ни старого Рэна. Есть только я. И я не сдамся до тех пор, пока не верну прежние силы и не отомщу. Пусть небеса станут свидетелями моей клятвы!».

За окном громыхнуло, хлынул сильный ливень.

- Ох, нужно загнать животных! – всплеснула руками мать. – А ты лежи, набирайся сил. Как вернусь – приготовлю чего-нибудь вкусного.

Она выбежала из комнаты, на ходу набрасывая на плечи изрядно потрёпанный плащ. Рэн тряхнул головой, пригладил растрепанные двухцветные волосы, и усмехнулся.

Всё только начинается.

Глава 1 – Рэн

Солнце неуклонно стремилось к горизонту, знаменуя окончание дня. Легкий ветерок ласково колыхал густую траву на пастбище, заползал под рубаху, осторожно прогуливался по спине, вызывая мурашки.

Рэн улыбнулся. Похоже, самое время загнать коров домой, до темноты осталось всего ничего, и мама может начать беспокоиться, если его долго не будет. После *того* случая она всегда излишне переживает.

Мальчик поднялся, выплюнул травинку и, схватив хворостину, направился к стаду, призывно закричал. Животные, наученные горьким опытом, послушно последовали в сторону привычного загона, где тепло, сухо, но мало еды, в отличие от замечательного пастбища. Впрочем, они и так паслись целый день, и неплохо подкрепились. Утренняя дойка будет удачной.

Закрыв калитку, Рэн вдохнул свежий вечерний воздух. Начало холодать, дни явно становятся короче. Скоро настанет осень, и им с матерью придётся где-то раздобыть денег, чтобы взять немного теплых вещей, или же шкур с тканью – изготовить самостоятельно.

Поднявшись на крыльцо и толкнув дверь, мальчик оказался в теплом помещении, наполненном ароматом похлебки и свежего настила под ногами – похоже, мать сменила сухую

траву на более свежую.

- Рэн! – обрадовалась мама. – Как наши толстушки?

- Все в порядке, - важно произнес мальчик, подходя к столу и усаживаясь на несколько высокий для него стул. – Ого, неужели это кукурузная лепешка?

- Она самая, - хитро улыбнулась женщина.

- Но откуда? – изумился Рэн. У них не было ни денег, ни возможности испечь такой хлеб.

- Тетушка Лира угостила, - вздохнула мама. – За то, что приняла роды у её дочери.

- Эта страшила наконец-то родила? – фыркнул мальчишка. – Надо же! Я думал, она превратится в уродливого кривобокого паука и уйдет жить в Стонущую Пещеру.

- Рэн! – голос матери обрел стальные нотки, а взгляд гневно засверкал. – Как ты смеешь так отзываться о бедной девочке? Она потеряла отца, а затем и мужа! Этот малыш – единственное, что у неё осталось.

- И тетушка Лира, - вставил Рэн.

- И она, - кивнула мама. Затем опомнилась. – Негодник! Не увиливай, когда я с тобой разговариваю! Будь вежлив с теми, кто старше тебя, они дольше живут на этом свете, и обладают знаниями, которые ты понять пока еще не в состоянии.

Рэн мог бы поспорить по этому поводу, но тогда мать сочтёт его сумасшедшим. Она и так относилась к нему с некоторой настороженностью, смешанной с искренней неж-

ностью, после того как мальчик едва не умер три года назад. С тех пор он сильно изменился, стал более серьезным, собранным, не по годам рассудительным, и, вместе с тем, язвительным. Мэйлин не понимала, что послужило поводом для таких перемен, предположив, что небольшой шаг за грань не прошёл для малыша бесследно. Да и целительница сказала то же самое.

Отец Рэна ушёл на Триста Семьдесят Пятую войну, порядка семи лет назад, когда ребёнку едва исполнился годик, и не вернулся. Пришлось молодой матери брать на себя всю заботу о сыне, небольшом хозяйстве и престарелой соседке – тетушке Лире.

Деревенька, в которой они жили, являлась довольно маленькой: всего дюжина домов, да хижина лекарки. Дворы Мэйлин и тетушки Лиры находились почти на отшибе, и потому другие жители деревни нечасто сюда захаживали. Местные ребятишки и раньше не слишком привечали Рэна, а после *того* случая и вовсе стали всячески задирать, дразнить «полосатым» и, порой, избивать. Правда, мальчик не отставал от них, предпочитая давать сдачи, а не принимать побои. Как итог: родители задир приходили жаловаться на разбитые носы и кучу синяков у своих детишек. Мэйлин, конечно, порицала Рэна, но не сильно, понимая, как тяжело приходится сыну без отца.

- Прости, - повинился мальчик, склонив голову. Мама еще некоторое время молча глядела на него, затем тяжело вздох-

нула.

- Ешь, а то остынет. Завтра пойдешь к мельнику, он просил помочь с мешками, может, старый Кен окажется достаточно добр и вознаградит тебя.

- Хорошо, - не стал отпираться Рэн. Быстро проглотив похлебку, он поцеловал мать и отправился на свою лавку. Укрывшись покрывалом, он почти сразу заснул.

Хотя, в привычном понимании, это трудно было назвать сном. Скорее, осознанной медитацией, или чем-то наподобие. Используя знания Аррида, Рэн предпочитал тренировать разум, восстанавливая энергию через спокойную медитацию и повторение испытанных за день ощущений.

Также, опираясь на прошлый опыт, бывший бог усердно повышал степень осознания, развивая разум ребёнка путем простых, но эффективных упражнений. Таким образом он мог не бояться сойти с ума, используя слившуюся воедино личность в качестве основной в теле ребёнка. Не факт, что мозг малыша мог выдержать такой поток мыслей и знаний, так что эго-Аррид решило перестраховаться.

Поднявшись за час до рассвета, Рэн вышел во двор, потянулся, поежившись от утренней сырости, витавшей в воздухе, и принялся разминаться. Он давно приучил своё тело к ежедневным упражнениям, с тех самых пор, как осознал свою бездарность в магическом плане. Насколько талантлив был Аррид, настолько же пуст мальчик Рэн. Ни капли дара, ни единой возможности стать магом-воином, даже про-

сто использовать способы накопления энергии.

Поняв, что ему не удастся достичь божественности привычным путём, Рэн решил поступить по-другому, и начал усердно тренировать тело. Само собой, одних только тренировок было мало, но пока что у него не находилось возможностей раздобыть необходимые травы, чтобы сделать зелье, способное помочь в развитии физических параметров.

«Придётся дождаться момента, когда стану достаточно взрослым, чтобы выходить за пределы деревни. Наверняка в лесу и в долине за ним растёт много различных трав», - думал Рэн. Из слов матери он знал, что деревню и пастбище окружал густой лес, в котором обитали различные хищники. Местные мужчины время от времени отправлялись на охоту, и всегда приносили шкуры и мясо, которые потом продавал староста. Этого коренастого лысого мужчину Рэн ненавидел больше всего, за то, что он не позволял жителям деревни свободно пользоваться всеми ресурсами. Только он решал, кто получит шкуры, причем, как правило, Мэйлин и её сыну доставались либо жалкие обрезки, либо вовсе ничего. Другие видели подобную несправедливость, но молчали, не смея идти против старосты. Рэн полагал, что тот поступает так из-за желания заполучить его мать, сделать своей наложницей. Он видел, как толстяк смотрел на Мэйлин, какими жадными глазами, как мерзко ухмылялся. И мальчик поклялся однажды пригвоздить старосту к дереву, навсегда стерев эту ухмылку.

Хорошенько размявшись и взяв со стола яблоко, Рэн отправился на другой конец деревни, к мельнице на холме, где жил старик Кен. Этот худощавый, но вечно улыбчивый дед нравился мальчику своим неунывающим характером и огромным количеством шуток, которые он знал и любил рассказывать.

Однако сегодня Рэн встретил неожиданное препятствие, когда проходил по главной деревенской улице: путь ему преградили Горк и его приятели. Все трое были на год или два старше мальчика, но всячески задирали его, не упуская ни малейшего шанса прицепиться, даже если он просто шёл мимо.

- Глядите, парни, это же сам Рэн- Коровий Помёт! – радостно провозгласил Горк, плотный рыжеволосый мальчишка, курносый, с круглыми большими глазами. Он был сыном кузнеца, и уродился весьма крепким, к тому же, часто помогал отцу с работой, что явно пошло на пользу растущему организму.

Рэн, не обращая внимания, прошёл мимо, и это сильно задело рыжего мальчика.

- А ну стой, уродец, когда я с тобой говорю! – взъярился Горк, подскочив к «жертве» и дернув за плечо. Рэна развернуло, он чуть было не упал, но сумел удержать равновесие. Кровь побежала быстрее, ярость плескалась внутри, ухмыляющееся и злое лицо Горка требовало кулака.

- Что тебе нужно? – негромко процедил Рэн, стиснув зубы.

Рыжий рассмеялся.

- Мне? Да нет, кажется, это ты хотел почистить мою обувку. Так, парни?

Приятели Горка согласно закивали. Рэн скривился.

- Больше тебе ничего не надо?

- Пока нет, - напыжился рыжеволосый. – Сначала это выполни.

- Сарказм, придурок, - фыркнул мальчик. Темно-бордовые глаза как-то странно блеснули. Горку даже стало не по себе, но вожак подавил эту слабость.

- Как ты меня назвал? – нахмурился он. – Парни, вы слышали? Похоже, уродец давно не получал. Напомним-ка ему, кто в этой деревне главный!

Он широко замахнулся, намереваясь ударить Рэна. Тот легко увернулся от удара, поставил рыжему подножку. Горк кубарем покатился по земле, на ходу обрастая царапинами и ссадинами – на главной улице было полно мелких камешков.

- Больно! – вскричал рыжеволосый, усевшись на земле, охая и потирая ушибленные места. – Бейте его!

Оба товарища задиры переглянулись и, не сговариваясь, ринулись в бой. Первый, Лорт, попытался схватить Рэна двумя руками, чтобы второй, Вад, мог беспрепятственно ударить, но, к счастью, мальчику удалось уйти от захвата, заодно он пнул Лорта под колено. Противник охнул, осел на землю, размазывая слезы и держась за место ушиба. Вад, видя беспомощность друга, разозлился, повел плечами, встал

в стойку. Он был невысокого роста, достаточно крепкий, к тому же, Рэн слышал, что отец учил Вада борьбе. Похоже, на этот раз действительно не удастся обойтись без прямого контакта.

Вильнув в сторону, Вад ударил снизу-вверх, метя в челюсть Рэна. Мальчик подался назад, едва увернувшись от выпада - краешек костяшки все же задел подбородок - провел контратаку, не особо выбирая, прямым правой. На удивление, попал: голова Вада мотнулась, взгляд потускнел. Похоже, противник потерял сознание. Это шанс!

Рэн со всей силы ударил кулаком в живот, заставив мальчишку согнуться пополам, а затем добавил коленом в переносицу. Вад рухнул на землю, но в этот момент поднялся Горк. Рэн, тяжело дыша, твёрдо взглянул в глаза задире. Тот отчётливо заскрипел зубами, но нехотя отвел взгляд, крикнул товарищам:

- Отходим, парни! На этот раз тебе повезло, пятнистый, но в следующий – пощады не жди!

Рыжий помог подняться Ваду, Лорт встал на ноги сам, изрядно прихрамывая, заковылял прочь. Рэн хмыкнул и помахал троице вслед, после чего направился дальше.

Поднявшись по тропинке на холм и перейдя небольшую речку по мосту, мальчик толкнул калитку, оказавшись во дворе мельника. Старик как раз заканчивал умываться из старой ржавой бочки с водой, радостно заулыбался, увидев красноглазого паренька.

- Здравствуй, Рэн! Что это за синяк у тебя на лице?

Мальчик коснулся пальцами подбородка, невольно охнул, когда острая боль пронзила до самого затылка.

- Да так, Горк и его дружки опять насели, - отмахнулся он. Кен расхохотался.

- О, молодёжь в наши дни всё такая же заводная! Помнится, когда я был мальчишкой, то каждый день дрался с соседским пареньком, как же его звали…то ли Карк, то ли Шварк, уже не помню. И вот, мы даже считали победы и поражения, на протяжении нескольких лет непрерывно отрабатывая удары друг на друге, хе-хе.

- И что было потом? – заинтересовался Рэн. Старик почесал затылок.

- Да, кажется, он ушел в лес и потерялся, а может, его забрала старая ведьма, что живет за долиной.

- Нет там никакой ведьмы, - фыркнул мальчик. – Ты всё выдумал, старый пень!

Кен довольно хмыкнул.

- Ну и ну, никакого уважения к старшим! Отходить бы тебя хворостиной, да жалко ветки тратить, всё равно ведь не изменишься. Ладно, пойдем, нам с тобой предстоит много работы сегодня, малыш Рэн. Так что засучивай-ка рукава, будет непросто!

Глава 2 – Истории мельника

Надев старый потрепанный фартук, который вручил ему мельник, Рэн отправился следом за стариком в большой сарай, состоявший из нескольких этажей – там Кен хранил припасы.

- Нужно перенести мешки с мукой и сеном с первого этажа на третий, - сообщил мельник. – Как видишь, их тут немало.

Действительно, все пространство у стены склада было занято мешками. Рэн взял крайний сверху и охнул: мешок оказался весьма тяжелым!

- Да уж, будет весело, - пропыхтел мальчик, медленно шагая к лестнице наверх. Благо, она была винтовой, а не приставной, что позволяло без опаски подняться на следующие этажи. На третьем ярусе Рэн сложил ношу в угол, затем с любопытством осмотрелся. Вдоль стен стояли деревянные стеллажи, заваленные различными вещами. Подойдя поближе, мальчик различил коробочки, пыль с которых, похоже, редко стирали. Интересно, что же там внутри?

- Здесь я храню инструменты и разный хлам, который, может, когда-нибудь мне пригодится, а может и нет, - сказал старик, поднявшийся следом. Несмотря на возраст, Кен нёс сразу два мешка, закинув на плечо, и, кажется, ничуть не напрягался.

- Зачем тебе столько всего? – фыркнул Рэн, направляясь к лестнице. Мельник усмехнулся.

- Никогда не знаешь, что случится завтра, малыш. Вы, молодые, не задумываетесь о будущем, вечно куда-то спешите, поленившись даже раскинуть мозгами: а правильно ли поступаете?

- Ну, началось, - пробурчал мальчик, шагая вниз. Сверху доносились обрывки стариковской лекции.

- Всегда продумывай наперёд, мой тебе совет. Так ты не будешь сожалеть, если вдруг что-то произойдет, и скажешь себе: я сделал всё, что мог. Да и приятно, знаешь ли, чувствовать себя готовым к любым событиям.

- Скажи мне, старик, что ты сделаешь, если завтра случится землетрясение, или ураган? – ехидно поинтересовался Рэн. Мельник задумчиво хмыкнул.

- Схвачу мешок с пожитками – и дам дёру в лес, а оттуда в ближайший город, где у меня много знакомых. Первое время помогут обжиться, а после сам начну работать.

- А вдруг тебя завалит разрушенными стенами твоего же дома?

Кен покачал головой.

- Что ж, тогда постараюсь выбраться из-под завала, а если не выйдет, буду звать на помощь.

- Помощь не придёт, всех жителей деревни унесло ураганом, ты один выжил, - продолжил мальчик. Старик нахмурился.

- Тебе, как ни посмотри, палец в рот не клади – отгрызёшь всю руку, и мозг в придачу. Тьфу на тебя!

Рэн весело расхохотался, хватая следующий мешок.

Они дружно работали до самого обеда, обсуждая различные темы. Старый мельник дивился не по годам умному мальчишке, и не хотел признавать, насколько ему нравится проводить время с этим ребёнком. Рэн же получал удовольствие от общения с Кеном, да и мог таким образом без труда узнать что-то новое об окружающем мире: старик обладал хорошими знаниями. Для деревенского жителя.

Когда солнце оказалось в зените, мельник утёр пот со лба и махнул мальчику рукой.

- Бросай эти треклятые мешки, идём обедать.

Зайдя в дом, Кен взял небольшую лепёшку и ломтики вяленого мяса. Старый и малый уселись на лавке во дворе, после чего разделили поровну хлеб с мясом.

- Старик, а расскажи еще что-нибудь о мире там, за лесом, - попросил Рэн, набив полный рот. Кен улыбнулся. Любопытство мальчика напоминало ему о собственном детстве, когда он доставлял множество неприятностей окружающим и прослыл самым хулиганистым ребёнком в деревне. Правда, за проделки Кену частенько влетало от отца, тот был крайне строгим в отношении своих детей.

- Ну, слушай. Как тебе уже известно, вокруг деревни и пастбища есть густой лес, сквозь кроны деревьев там слабо падает солнечный свет, потому кажется, будто в чаще всегда

вечер. Этот лес – опасное место, тем более, если у тебя нет никакого оружия. Там обитают хищники, способные разорвать малыша вроде тебя за считанные минуты. Но не бойся, у нас есть охотники, которые защищают деревню от зверей и добывают мясо.

- А потом староста продает его втридорога, - процедил Рэн, стиснув зубы от злости. Старик вздохнул.

- Ну, его можно понять. Старине Кламу приходится управлять двумя десятками людей, заботиться о нас, распределять ресурсы. Это не так просто, как может показаться на первый взгляд, малыш. На нём лежит большая ответственность, в таком случае нельзя позволять себе выделять кого-то среди других.

- Так ведь он этим и занимается! – взвился мальчик. – Почему остальные жители получают больше продуктов, и лучшего качества, чем мы? Что мы сделали?

Кен поджал губы.

- Я поговорю с Кламом, обещаю тебе. А пока успокойся, и слушай дальше, да не забывай хорошенько пережевывать пищу.

Мальчик вытер нос рукавом, упрямо стукнул кулаком по лавке, но продолжил есть.

- Итак, - с лёгкой улыбкой старик вернулся к рассказу. – Когда мне было немногим больше лет, чем тебе, отец взял меня в город. Мы отправились через лес, конечно же. К счастью, нам не встретились хищники, если не считать пуши-

стую ярко-рыжую белку, хе-хе. Так вот, за лесом оказалась широкая долина, протянувшаяся до самого горизонта. Никогда прежде я не видел столько высокой густой травы! Долина привела нас к небольшой реке, и, перейдя её по мосту, мы достигли городских ворот. Город был не сильно больше нашей деревни, но зато там имелись лавки, площадь и даже собственная стража. Вот только горожане мне не понравились: слишком ожесточённые, будто бы вечно ждущие нападения. Может, сейчас всё изменилось, но в то время это было так.

Мельник замолчал. Рэн почесал щеку, дожёвывая хлеб.

- Интересно, конечно, но неужели ты с тех пор ни разу не покидал пределы деревни?

Кен покачал головой.

- Нет. Да и незачем. Всё, что мне нужно, есть здесь, а по ту сторону леса, как я уже сказал, широкая долина, и до ближайшего города идти довольно долго.

- Когда-нибудь я туда уйду, - упрямо пробормотал Рэн, насупившись. Старик положил руку мальчику на плечо.

- Подумай хорошенько, прежде чем поступить так. Если ты уйдешь, твоя мама будет сильно беспокоиться о тебе.

- Возьму её с собой.

- И что она будет делать там? Здесь у неё есть занятие, какой-никакой доход, а что ждёт женщину с ребёнком в городе, полном незнакомцев? Так что думай, Рэн, всегда думай. А пока идём, нужно управиться с мешками до сумерек.

До позднего вечера они, почти непрерывно, переносили мешки, которых оказалось на удивление много. Рэн чувствовал, как ноют от усталости руки и ноги, а спина отказывается выпрямляться. Впрочем, даже вечно весёлый и полный энергии мельник, в конце концов, с трудом принялся передвигать ноги.

Бросив на стопку последний мешок, мальчик едва разогнулся, устало выдохнул. За окном, тем временем, сильно смеркалось, солнечный свет сменялся серовато-синей завесой.

Спустившись вниз, Рэн наткнулся на зажегшего свечу старика.

- Можешь сегодня заночевать у меня, - предложил Кен. – Уже поздно, а идти тебе далековато.

- Даже не знаю, - засомневался мальчик. – Мама будет волноваться.

- Не будет, - улыбнулся мельник. – Я предупредил её заранее, что работы много и, возможно, ты здесь застрянешь на несколько дней.

- Хитрый старик, - фыркнул Рэн. - Ладно, останусь.

Кен коротко рассмеялся, развернулся, направился во двор.

- Давай-ка, подсоби мне, - попросил он мальчишку. – Разожжем костер, испечём репу, будет нам ужин. К тому же где-то у меня завалялась бутылочка сладкого вина…

- Не поздновато ли в твоем возрасте пить вино? – поддел

его мальчик. Старик отмахнулся.

- Это же почти как сок! Да и здорово разгоняет стылую стариковскую кровь.

Они в четыре руки сложили костёр, и вскоре яркое пламя весело заплясало на сухих ветках. Кен принёс репу и пресловутую бутыль вина. Усевшись на старый потрепанный плащ, Рэн с наслаждением вытянул ноги. Старик устроился рядом, откупорил бутылку. Сделав длинный глоток, он довольно выдохнул.

- Хорошо! Как здорово, что я не вспомнил про неё раньше.

- Можно и мне? – покосился на него Рэн. Мельник расхохотался.

- Ну уж нет, мал ты еще! Вот лет через пять – пожалуйста, а пока что нельзя.

Отпив из бутылки еще пару раз, Кен отставил её в сторонку. Нанизав репу на палочки, он терпеливо ждал, пока прогорят ветки в костре, чтобы можно было приготовить её.

- Знаешь, - внезапно серьёзным голосом заговорил старик. Рэн внимательно прислушался. – Этот мир довольно жесток. Тебе, наверное, никто пока об этом не рассказывал, но у нас с глубокой древности не прекращаются войны. Даже твой отец ушел на одну из них. Бессмысленные сражения, которые не приносят победу, только смерти и страдания. Мы, жители деревни, не знаем, с чего всё началось, и зачем продолжается до сих пор. Нам известно лишь, что война

длится уже тысячи лет. Тысячи лет, Рэн! Наверное, даже боги, если они существуют, не остались в стороне. А ведь какое красивое название у этого материка: континент Вечерней Звезды! Мы здесь мало что знаем о географии, только сведения, накопленные предками. Говорят, что государств на материке целая дюжина, и ни одно из них не соседствует мирно с другими. Сражаются за территорию, ресурсы, и никому не дано знать, закончится ли эта битва хоть когда-нибудь.

Пламя стало тише, и Кен подвесил репу над костром. Пару минут помолчав, старик продолжил, не глядя на мальчика:

- Нам повезло, что мы живём в таком глухом краю, что даже ближайшие города не слишком отличаются от нашей деревушки. Сюда война вряд ли дойдёт, и это даёт мне надежду, что вы, молодое поколение, выживете, увидите изменения. Потому что не должно быть такого, чтобы юные души погибали, едва возмужав. Это лишено всякого смысла.

По щеке мельника покатилась одинокая слезинка.

- Мой сын тоже ушёл на войну, Рэн. Ему было пятнадцать лет, мальчишка взял мешок с пожитками и был таков.

- Он вернулся? – робко спросил мальчик. Старик горько усмехнулся.

- С тех пор прошло двадцать лет. Двадцать лет! Моя драгоценная жена умерла, не сумев побороть болезнь и тоску по нашему ребёнку, а я продолжаю жить, топтать эту землю, непонятно для чего. Тебе трудно представить, каково это:

каждый день все эти двадцать лет помнить о близких, но не иметь возможности увидеть их, обнять, поделиться теплом. Проклятые боги не хотят забирать меня!

- Значит, ты ещё нужен этой деревне, - Рэн взял Кена за руку. – Если бы каждый здесь был похож на тебя, то мальчишки вроде Горка и его друзей не задирали бы других.

- Спасибо, малыш, - старик ласково взъерошил волосы мальчика. – Мой тебе совет, Рэн: не покидай деревню. Никогда. Здесь ты и твоя мама в полной безопасности. Живи, ухаживай за садом, животными и наслаждайся каждым днём. Жизнь слишком легко может оборваться в нашем мире. Слишком быстро…

Красноглазый мальчик тихонько вздохнул.

- Увы, старик, я не могу последовать твоему совету. Я намерен стать сильнейшим воином этого мира, так что мне придётся уйти. Может, еще пара лет, и затем я отправлюсь искать наставника, который сможет обучить меня искусству убивать. И после меня ждут поля сражений.

Кен устало прикрыл глаза, медленно покачал головой.

- Бедный мальчик, ты понятия не имеешь, что тебя ждёт. Но кто я такой, чтобы тебя отговаривать? Поступай, как велит твоё храброе сердце, Рэн. И постарайся не огорчать свою маму. А пока, давай поедим.

Они молча перекусили, думая каждый о своём, а затем отправились в дом, предварительно затушив костёр. Старик постелил Рэну на лавке, сам устроился на полу. Мальчик

некоторое время смотрел в потолок, пытаясь привести в порядок мысли и разложить по полочкам всё, услышанное сегодня.

«Мир вечной войны? Похоже, не случайно меня сюда забросило. Только в таких условиях я смогу снова стать прежним, благодаря постоянным схваткам. Еще бы разжечь в этом теле хотя бы крошечную искру дара», - подумал он. Снова прислушался к себе, как и каждый день до этого, но тщетно: Рэн был совершенно пуст в плане магических способностей. Проклятие, или что-то иное, он не мог сказать. Но уже смирился с тем, что придётся следовать другим, непривычным путём.

А там, кто знает, может, он приведёт его к большим высотам?

Глава 3 – Три медные монеты

С первыми робкими проблесками зари, спустившись с лавки, Рэн отправился во двор, где, фыркая и дрожа, умылся из бочки. Вода была холодной, даже ледяной, но, стоило начать разминку и разогнать кровь, как дрожь прекратилась, взамен по телу растеклось приятное чувство тепла.

- Свежо сегодня, а? – жизнерадостно воскликнул старик Кен, выходя из дома. – Бр-р, аж мороз по коже. Ну-ка, малец, подвинься.

Наскоро растерев торс холодной водой, мельник, хохоча, подхватил широкий деревянный брус и принялся выполнять подъемы над головой.

- Если хочешь быть крепким до самой старости, мой тебе совет, мальчик – не пренебрегай упражнениями, - с улыбкой сообщил он.

- Как-будто я этого не знаю, - фыркнул Рэн, заканчивая разминку.

Некоторое время спустя, выпив молока и съев вчерашнюю булку на двоих, они вернулись к оставшимся мешкам. Работа, однако, не заняла столько времени, как вчера, и, буквально через полчаса, они подняли наверх последний мешок, после чего, утирая пот со лба, Кен уселся на лавку и довольно выдохнул.

- Вот уж верно, золотая у тебя мать, парень. Не отправь

мне подмогу, провозился бы до конца недели с этими треклятыми мешками, а так – управились за сутки.

- Это оказалось не так уж и сложно, - пожал плечами Рэн.

- Тем не менее, свою награду ты точно заслужил, - старик насмешливо подмигнул темноглазому мальчику. Затем порылся в старом потрепанном кошеле на поясе, выудил пару медных монеток, протянул Рэну.

- Держи. Это немного, но хоть какая-то благодарность, иначе я буду чувствовать себя старым хомяком, набивающим щёки впустую.

Рэн рассмеялся, взял медяки, сунул в карман штанов.

- Спасибо, старик! Был рад с тобой повидаться.

- И я, мальчик, - довольная улыбка тронула не только стариковские губы, но и уголки глаз. – Заходи, если нужен будет совет, или хорошая компания.

- Непременно, - пообещал Рэн, разворачиваясь и быстрым шагом направляясь прочь. Снова по мосту через речку, затем по тропинке вниз с холма, оказываясь на деревенской улице. Жители уже вовсю работали, стучал молот в кузне, слева раздавались крики Кераны – дородной селянки, занимавшейся шитьём и рукоделием. Похоже, опять её младший провинился, а сам убежал, спрятался, прекрасно зная о горячем нраве матери и тяжелой руке. Однажды Рэну и самому довелось ощутить шлепок Кераны на собственной заднице. Помнится, в тот раз он играл с Зифом в догонялки, а бывший приятель помчался через двор рукодельницы. Ему удалось

ускользнуть от мощного захвата Кераны, а вот Рэн оказался менее проворным, и получил сполна. Пары легких шлепков от крепкой женщины вполне хватило, чтобы задница начала гореть огнём, а из глаз хлынули слёзы. Благо, Керана не стала сообщать матери и, ограничившись строгим выговором, отпустила мальчика.

Довольный тем, что удалось заработать, Рэн представлял, как заявится на пороге и с гордостью покажет маме две монетки. Потом они вместе пойдут на небольшой деревенский рынок и купят что-нибудь вкусное, а может, наоборот, сберегут на будущее.

Задумавшись, мальчик не сразу заметил на площади две подводы, полные различных товаров, и запряженные двойкой лошадей. Возле телег стоял сам торговец – почтенный Дорин, раз в пару месяцев приезжавший в деревню, чтобы обменять мелкие вещицы и товары побольше на местные шкуры и древесину. У первой подводы суетился Мальто – темнокожий парень лет пятнадцати, с плотным ошейником на крепкой шее, бывший у купца рабом.

Рэн понятия не имел, как давно Дорин приезжает в деревню, но с *того* самого случая он часто видел торговца, иногда даже осмеливался заговорить с ним. Правда, в глазах коренастого лысеющего мужчины, возрастом за пятьдесят, с обрюзгшим мясистым лицом, было что-то неприятное, мерзкое, отпугивающее Рэна. Будь он старше, то, скорее всего, побрезговал бы даже подходить к такому человеку, но маль-

чика интересовал окружающий мир, а больше извне никто не прибывал.

Дорин покрикивал на Мальто, сетуя на рассеянность раба.

- Куда ты бросаешь полотно, кретин! Сложи аккуратно и убери под сиденье, потом пригодится. И давай уже поживее, ленивая тварь, скоро покупатели заявятся, а у нас прилавок не готов!

Темнокожий парень затравленно косился на хозяина, испуганно вжимал голову в плечи и старался сделать всё быстро, чтобы не вызвать ещё больший гнев.

Рэн почувствовал острую жалость к несчастному Мальто. Он не понимал, почему раб не пытается сбежать: крепкие мускулы вкупе с хорошим ростом позволят пятнадцатилетнему пареньку дать отпор толстому Дорину и отправиться восвояси. Может, есть какая-то причина, по которой Мальто продолжает унижаться и прислуживать этому уроду?

Дорин заметил наблюдавшего за ними ребёнка, улыбнулся, надув обвисшие щёки, поманил Рэна пальцем.

- Мальчик, иди-ка сюда.

Рэн подошёл ближе, но остановился на расстоянии, оставляя себе пространство для манёвра, если вдруг понадобится убегать.

- Да, господин?

- Хочешь заработать монетку?

- Конечно! – Рэн сделал вид, что ему только что предложили нечто невероятное. – Что нужно сделать?

- Сбегай-ка к старине Кламу, да передай ему, что я приехал. Пускай накрывает на стол, у меня с собой отличное вино десятилетней выдержки!

- Понял, - кивнул мальчик и помчался дальше по улице, к дому старосты. Бежать, правда, было недалеко, тем удивительнее, что Дорин сам не захотел идти к старому приятелю. Может, боится оставить раба без присмотра?

Рэну было неясно, почему торговец ездит только с темнокожим Мальто, без охраны и других слуг. Неужели в округе не бывает разбойников, или других опасностей? Старик Кен сказал, что их мир погряз в бесконечной войне, но вот он – толстый и довольный жизнью купец – спокойно разъезжающий без боязни быть убитым.

Староста сидел на скамейке во дворе, задумчиво жуя табак, по своей излюбленной привычке, и глядел на мерно вышагивающих по траве кур. Его жена, Йери, довольно стройная для своих лет, да и лицом вполне симпатичная, развешивала на верёвке свежевыстиранное бельё.

Рэн знал, что Клам и его супруга давно не любят друг друга, но продолжают жить вместе и растить единственную дочь – Рису. Эта девчонка часто задирала мальчика, вместе с другими девочками обзывая его ублюдком и уродцем. Хотя он знал, что выглядит вполне неплохо, гораздо симпатичнее того же Горка или Лорта.

Сейчас Риса сидела у стены дровяного сарая, увлечённо что-то рисуя на ней угольком. Рэн попытался разглядеть, что

именно, но удалось ухватить лишь край картинки – изогнутый хвост какого-то воображаемого чудища.

Подойдя к старосте, мальчик слегка склонил голову, проявляя уважение, от младшего к старшему.

- Зачем пожаловал? – не слишком дружелюбно спросил Клам.

- Господин, приехал купец Дорин, и просил передать, чтобы вы накрывали на стол, он, кажется, очень голоден, - чуть приукрасил Рэн. Староста оживился, подобрел, даже заулыбался.

- Ого! Ну надо же, и двух месяцев не прошло. Много ли товара в этот раз? И что ещё сказал Дорин?

- Две полные подводы, господин. А передал он ещё вот что: привёз с собой вино десятилетней выдержки.

Улыбка на щекастом лице старосты стала в разы шире.

- Охо-хо! Чую, беседа у нас с ним будет замечательная. Слыхала, Йери? Бегом в дом, доставай всё самое лучшее, мой старый друг приехал! И принеси-ка булку хлеба и кусок мяса.

Женщина недовольно нахмурилась, но послушалась мужа, пошла в дом. Вернулась довольно скоро, положила на скамью требуемое, снова скрылась в горнице.

- Держи, мальчик, э-эм, как там тебя? А, неважно. Заслужил! За хорошие новости старый Клам всегда щедро вознаграждает, так и знай.

- Спасибо, господин! – Рэн взял продукты, поклонился,

благодаря старосту.

- Да, ещё кое-что. Подойди-ка поближе, - поманил Клам. Мальчик повиновался. Толстяк склонился к уху ребёнка, мерзким шепотом проговорил:

- Передай своей матери, чтобы сегодня вечером была у меня. Она знает зачем.

Рэн ощутил, как внутри всё похолодело, а руки невольно задрожали. Едва не выронив хлеб и мясо, он отшатнулся, изумленно поглядел на старосту. Тот довольно заржал, махнул рукой, дескать, проваливай. Развернувшись, Рэн побрёл прочь со двора.

По голове будто камнем ударили, слова Клама нельзя было трактовать иначе. Особенно учитывая ту *интонацию*, с которой лысый урод их произнёс.

Неужели мама – его замечательная, милая мама – с этой *тварью* ..?

Мальчик ощутил, как мир уходит из-под ног, но сумел удержать равновесие, буквально заставил себя вернуться к подводам Дорина.

Мальто уже выгрузил часть товаров и собрал прилавки, на которых купец выкладывал мелочёвку. Услышав шаги, торговец взглянул на Рэна, улыбнулся, тряхнув двумя подбородками.

- Что, передал послание Кламу?

- Да, господин, - пробормотал ребёнок. Дорин довольно цокнул языком.

- Хороший мальчик! Думаю, ты вполне заслужил этот медяк. Держи.

Купец протянул монету Рэну. Тот взял одеревеневшими пальцами, равнодушно уставился на чуть розоватый кругляш.

- Благодарю, господин.

- Ступай, ступай, - добродушно рассмеялся Дорин. – Кстати, если хочешь, можешь подойти послезавтра, когда мы будем уезжать, за помощь с погрузкой я также заплачу.

- Конечно, господин, непременно, - поклонился Рэн, после чего зашагал по улице в сторону дома.

Мать недовольно поджала губы, сразу заметив синяк на подбородке сына. Она как раз загнала коров, закрыла калитку и собиралась заняться огородом.

- В чём дело? – Мэйлин сходу почувствовала подавленное состояние ребёнка. Она вообще была крайне чуткой женщиной, всегда безошибочно понимая, что нужно её малышу.

Рэн рассказал о стычке с мальчишками, о работе на мельнице и двух медяках, а затем о приезде Дорина и поручении, которое принесло ещё монету, но, при этом, он получил распоряжение от Клама. Последнее мальчик сообщил, пряча взгляд.

Мама скрипнула зубами, но не выдержала, вздохнула, пошла в дом. Рэн следом.

- Поешь, а после займись нашими посадками, - тоном, не терпящим возражений, сказала Мэйлин, поставив на стол

миску с похлёбкой. Хлеб и мясо она убрала до вечера, сгодится на ужин. Рэн, чувствуя, что аппетита особо нет, тем не менее, взял ложку и принялся есть, чтобы не расстраивать мать.

Она же подошла к старому сундуку, доставшемуся, кажется, ещё от прабабушки, откинула крышку. Порывшись, достала потрёпанное, но чистое и довольно хорошее платье. Вроде бы, именно в нём она была на свадьбе, когда выходила замуж за отца Рэна.

Разгладив платье, Мэйлин повесила его на крючок у двери, а сама принялась за уборку.

Поев, Рэн отправился выполнять мамино поручение. Огород за пару дней покрылся изрядным количеством сорняков, требующих полного уничтожения.

- Треклятая трава, - сквозь зубы ругался мальчик, но очень тихо, чтобы мать не услышала. Она всегда хмурилась, когда он выдавал какое-то неприличное слово, а порой могла и отвесить шлепка.

Очищая посадки от душащих сорняков, Рэн размышлял о потихоньку наступающем вечере. Неужели Клам собирается сделать *это* с Мэйлин прямо на глазах у жены? К тому же, там наверняка будет ещё и Дорин. Или он не так понял старосту, и у того другие планы?

В любом случае, то, как повёл себя толстяк, Рэну сильно не понравилось. Будь он старше и сильнее, обязательно взял бы крепкую палку и щедро отходил Клама, посмевшего

неподобающе отнестись к маме. Но он всего лишь ребёнок, способный только справиться с глупыми сверстниками, не более. У него нет никаких способностей, нет ни малейшей искры дара, и, случись что, Рэн окажется совершенно бесполезен, никак не сможет защитить свою маленькую семью.

Смеркалось, когда мальчик собрал выполотые сорняки в одну кучу и, отряхнув ладони, пошёл умываться в бочке. Избавившись от пыли и грязи, Рэн зашёл в дом – и застыл на пороге.

В розовом свете заката мать, в простом, но красивом платье, сидевшая на табурете и расчесывающая гребешком свои длинные тёмные волосы, показалась мальчику богиней. Он ощутил тошноту, подкатывающую к горлу, а смутное предчувствие беды нахлынуло, ударило по вискам.

- Не ходи туда! – громко потребовал Рэн, заставив Мэйлин вздрогнуть. В уголках маминых глаз блестели слезинки, которые она тотчас же смахнула, вновь становясь собранной и строгой.

- Ты ещё очень мал, сынок, и не поймёшь, зачем я так поступаю, - спокойным тоном сказала женщина, кладя гребешок на стол. – Поверь, это для нашего же блага.

Рэн бессильно стукнул кулаком по стене, вызвав гневный взгляд матери.

- Успокойся! Поешь, умойся и ложись спать. И не смей, слышишь? Не смей ходить за мной! Ты меня понял?

Мальчик молчал, тяжело дыша и твёрдо глядя Мэйлин в

глаза.

- Я не слышу! – мать повысила тон, заставив Рэна дрогнуть. Он прекрасно знал, что, если она начинает кричать, то жди беды.

- Понял, - еле выдавил из себя Рэн.

- Вот и славно.

Мэйлин поднялась, быстрым шагом вышла из дома, оставив его одного. Стоя у хлопнувшей за матерью двери, Рэн ощущал, как комок тошноты сменяется чистой яростью, разгорающейся где-то в районе живота и медленно растекающейся по телу.

Взгляд мальчика упал на оставленный гребешок. Помнится, именно он купил маме этот предмет, заработав денег, помогая тетушке Лире. Дорин долго не хотел отдавать гребень за две монетки, но Рэн стоял на своём, и купец сдался. Мэйлин тогда была невероятно счастлива, настолько, что даже расплакалась.

Именно слёзы счастья он хотел бы видеть в глазах мамы. Но сегодня она плакала по другой причине. И это невероятно бесило Рэна, вызывало дрожь и желание прикончить жирного Клама, посмевшего посмотреть в сторону его семьи.

Мальчик шагнул вперед и упал на лавку, уставившись перед собой. Нужно придумать план, иначе случится ужасное.

И времени у него крайне мало.

Глава 4 – Договор

С трудом запихнув в рот кусок хлеба, Рэн принялся методично жевать, обдумывая произошедшее. Староста этим вечером явно не один, с ним Дорин. Выходит, они оба хотят заполучить его мать? Но почему так вышло? Разве у Клама нет жены? Для чего он так прицепился к ним? Чего пытается добиться?

Еле проглотив хлеб, мальчик запил водой, после чего, поднявшись, принялся осматривать комнату.

Если он хочет спасти маму, нужно отыскать какое-нибудь оружие. Но они так бедны, что нет ничего, кроме старого корявого ножа. Его Рэн и сунул под рубаху, заткнув за видавший виды поясок.

Тряхнув головой, мальчик ещё раз окинул взглядом комнату, затем, стиснув зубы, вышел из дома, захлопнув дверь. Сердце грохотало в груди, эхом отдавалось в висках, а мир вокруг словно покрылся неприятными разводами.

Рэну казалось, что никогда прежде он не бывал в ситуации хуже, чем эта. Окажись он трусом, то остался бы дома, вняв приказу матери, но он не трус, и никогда не позволит каким-то жирным уродам лапать женщину, подарившую ему жизнь. Возможно, они убьют его, но он хотя бы попытается.

Мальчик шагал по дороге, ведущей к деревенской улице, размышляя, как можно решить проблему. И не видел ино-

го выхода, кроме насилия. Двое взрослых мужчин не станут слушать ребёнка, только посмеются над ним, отвесят подзатыльник, да отправят прочь. И он увидит лишь страх в глазах матери, то, что не хотел бы видеть никогда.

Если бы отец был жив…

Рэн с силой сжал кулаки, ускорив шаг. Отца уже давно нет на этом свете, и в их семье остался один мужчина – он сам. В этом мире, в мире бесконечных войн, если верить рассказу Кена, нельзя надеяться на кого-то, кроме себя. Никто не поможет ему, если рассказать, никто не встанет на защиту молодой женщины с мальчиком. А Рэн ещё слишком слаб и мал, чтобы убить двоих взрослых. Но он попытается.

Нож за поясом почти впивался в живот, но не причинял этим боль. Скорее, напоминал о своём существовании. Будь его воля, Рэн ни за что бы не стал применять оружие, но он осознавал, что другого выхода нет. В голове бился лишь один вопрос: *почему это случилось с его семьёй?*

Миновав дома, мальчик добрался до подворья старосты. Толкнув калитку, Рэн шагнул во двор. Как и в прошлый раз, Риса играла у сарая, но теперь она была не одна, а с подружками. Та самая компания, которая любила обзывать и унижать Рэна.

Вот только сейчас ему совершенно плевать на них. Из дома доносились весёлые голоса и смех. Похоже, встреча в самом разгаре. Он успел вовремя.

Риса увидела мальчика, лицо дочери Клама изумлённо

вытянулось.

- Эй, уродец, ты что здесь забыл? – позвала она Рэна. Тот не ответил, пробежав мимо девчонок, искренне возмущённых подобной реакцией.

- Да он совсем кретин, - махнула рукой одна из подруг Рисы. – Не стоит пачкаться о дерьмо, как говорит моя матушка.

Рэн не слушал их болтовню, его не заботила собственная репутация. Не теперь, когда на карту поставлена честь его матери.

Взбежав на крыльцо, мальчик рывком распахнул дверь и ворвался в дом. Клам, Дорин и Мэйлин сидели за столом, пили вино, закусывали недешевым вяленым мясом и иноземными фруктами, весело что-то обсуждая. Рука старосты покоилась на мамином плече. Жена Клама, Йери, смирно сидела в углу комнаты, равнодушно вязала что-то из клубка тёмных ниток.

Услышав грохот распахнувшейся двери, собравшиеся взглянули в его сторону. Рэн поймал испуганный и отчаянный взгляд матери, в то время как выражения лиц Дорина и Клама излучали насмешку.

- Рэн! – выдохнула Мэйлин. – Уходи отсюда! Убирайся! Тебе нечего здесь делать.

Клам успокаивающе похлопал женщину по плечу, при этом его пальцы норовили скользнуть ниже.

- Тише, дорогая, не нужно так кричать на мальчика. Входи, Рэн, поешь с нами. Можешь даже выпить вина, я дозво-

ляю, сегодня отличный повод – приезд моего дорогого друга Дорина.

Рэн ощутил, как тело начала потряхивать дрожь. Ярость новой волной колыхнулась изнутри, устремилась вверх, пытаясь отыскать выход, прорваться необдуманными действиями, которые могут привести к непоправимым последствиям. Он ухватился за ледяной, полный довольства взгляд Дорина, чья ехидная ухмылка не оставляла сомнений в его намерениях касательно Мэйлин.

И понял, что не собирается сдерживаться. В ушах шумно заколотилось сердце, его гулкий стук колоколом отдавался в голове, словно кто-то молотил по затылку дубиной. Пальцы скользнули под рубаху, обхватили неровную шершавую рукоять старого ножа. Чуть помедлив, Рэн рывком выхватил нож, одновременно побежав к столу. В глазах мужчин мелькнуло удивление, а в следующий миг кривое лезвие вонзилось в бедро Дорина.

Штанина купца мигом пропиталась кровью, а из горла вырвался болезненный крик.

- Ах ты, мелкий ублюдок! – проревел торговец, мощным пинком отталкивая мальчика от себя. Рэна откинуло через всю комнату и с силой приложило спиной о крепкий деревянный табурет. В ушах раздался противный хруст, боль прострелила всё тело, и Рэн скорчился на полу, хрипло дыша и дожидаясь, пока бок перестанет гореть огнём.

Мэйлин резко вскочила на ноги, бросилась было к сыну,

но Клам грубо перехватил её, рывком усадил себе на колени и, демонстративно глядя на Рэна, впился губами в губы женщины.

Мальчик ощутил, как полыхает пламя ярости, смешанное теперь с болью и желанием прикончить этих двоих: купца и старосту. Но он всего лишь ребёнок, слабый, жалкий и беспомощный. Он сумел лишь ранить одного, и то не смертельно. Зато сам получил травму, и хорошо, если сломано только одно ребро.

- Видишь ли, малыш, у нас с твоей мамашей всё по договору, - заговорил Клам, оторвавшись от Мэйлин. Женщина выглядела какой-то рассеянной, словно находилась под действием дурмана. Хотя, учитывая, что троица распивала уже далеко не первый кувшин, понятно, в чём причина.

- Она греет мою постель уже несколько лет, с тех пор как твой папаша подох на войне, а взамен я позволяю вам обоим жить на моей земле, получать мои ресурсы и не думать ни о чём, - самодовольно поведал староста. Рэн почувствовал, как горькие злые слёзы потекли по щекам. Мать пыталась защитить его от внешнего мира, но поступила неправильно, как не должна была поступать.

Ну почему он так мал?

- Так что, дорогой Рэн, зря ты сюда пришёл. Ничего не изменится, ты всего лишь мальчишка, который много о себе возомнил. Убирайся прочь, и не попадайся мне на глаза!

Рэн, пошатываясь, с трудом сумел подняться. Ноги силь-

но дрожали, грозя подогнуться и уронить ослабевшее тело. Бок по-прежнему горел, дышать слишком трудно, каждый следующий вдох получался с хрипом. К тому же, кружилась голова – он немного приложился затылком, когда летел.

Дорин поднялся, неторопливо подошёл к мальчику, задумчиво взглянул, сверху-вниз.

Хлёсткая затрещина чуть не выбила сознание из тела Рэна, ему стоило огромных усилий удержаться на ногах и не рухнуть на пол. Щека теперь тоже полыхала, он понимал, что вскоре её раздует до крупных размеров.

- Глупый мальчишка, - со смешком заметил торговец. – Полез на меня с ножом, как тать! А я ведь испытывал к тебе симпатию. Ничего, такие, как ты, долго не живут.

Он схватил мальчика за шиворот и, открыв дверь, вышвырнул во двор. Рэн перелетел через крыльцо и упал на землю, больно ударившись локтями и коленями. Опираясь на непослушные руки, выпрямился, встал на ноги, чувствуя, как стекают тонкие струйки крови из разбитых конечностей.

Следом полетел нож, упав на землю позади Рэна. Затем дверь дома захлопнулась, для надёжности – на засов.

Мир вокруг кружился, к горлу подкатывала тошнота. В душе не было ничего, кроме опустошенности. Рэн не понимал, как быть дальше. Мать осталась там, наедине с двумя жирными тварями, опьянённая и доступная, а он, её сын, не способен защитить свою единственную женщину.

И в этой деревне есть лишь один человек, к которому

мальчик мог обратиться. Покачиваясь, едва переставляя ноги, ловя на себе испуганные, смешанные с отвращением и жалостью взгляды девочек, Рэн пошёл к мельнице.

Старый нож он сжимал в руке.

Путь до жилища старика Кена, обычно занимавший от силы десяток минут, в этот раз растянулся почти на час. На мосту Рэн едва не упал в воду, так сильно накатил приступ головокружения. Ухватившись за хлипкий бортик, мальчик постоял немного, вдыхая прохладный вечерний воздух, затем зашагал дальше.

Старик не спал. Он сидел во дворе, у костра, бросая в пламя старые ненужные безделушки, сделанные из дерева. Увидев окровавленного и побитого Рэна, Кен охнул, подскочил, помог мальчику сесть.

- В чём дело? – с тревогой в голосе спросил старик. Взгляд его упал на покрытый кровью нож. Кен осторожно разжал пальцы ребёнка и отбросил оружие в сторону. – Кто на тебя напал? Подожди, не говори ничего!

Быстро, словно за ним гнались призраки, мельник помчался в дом, но вскоре вернулся оттуда, принеся чистые старые тряпки и спиртовой раствор.

- Рассказывай, - приказал он, сдирая с мальчика рубашку и начиная перевязывать раненый бок.

Медленно, с трудом ворочая языком, Рэн рассказал мельнику всё, начиная встречей с Дорином. Когда мальчик закончил, в глазах Кена застыло отчётливое выражение гнева.

- Я, конечно, знал, что Клам та ещё гнида, но не думал, что он настолько обнаглеет, - процедил старик. – Когда-то давно мы были друзьями, но, похоже, теперь наши пути окончательно разошлись.

- Что будет с нами? – глухим голосом пробормотал Рэн. Чувство опустошенности не уходило, скорее, наоборот – только усиливалось с каждой минутой.

- Всё наладится, клянусь, - Кен положил ладонь на плечо мальчика. На лице старика отразились смешанные чувства. Он понимал, что не должен так поступать, но не мог отказать ребёнку в помощи. Да и кем старый Кен будет себя считать, если закроет глаза на явную несправедливость? Как потом его встретит жена в Палатах Истины?

- Я так не думаю, - покачал головой Рэн. – Пока мы сидим здесь, они истязают её, почти бессознательную. Она не понимает, что происходит, её разум затуманен вином. Если бы только я был взрослым, хотя бы на пять лет старше!

Последняя фраза пробилась сквозь покрывающую сердце и чувства броню равнодушия. Кен вздрогнул от этих слов, по-другому взглянул на ребёнка.

Насколько же далеко малыш готов зайти ради защиты близкого человека!

- Ты бы не смог ничего сделать, поверь. Эти двое – не робкого десятка, да и массой побольше тебя. Сомнут, сломают, и выбросят. Им плевать, что с тобой станет после, а твоя мать не переживёт утраты.

- Я хочу, чтобы они страдали, - с тихим смешком произнёс мальчик, и *тон* его голоса вызвал страх в сердце Кена.

«Когда последний раз я слышал такую боль и ярость?», - подумал старик. – «Кажется, в тот самый день, когда его отец ушёл на войну, а Мэйлин стояла, вся зарёванная, но несломленная. Именно тогда она сказала, что *никто не посмеет встать у неё на пути*».

- Ты ничего не можешь с этим поделать, - повторил Кен, будто пытаясь утешить самого себя, убедить в невозможности помочь Мэйлин, улыбчивой молодой красавице, чей муж сгинул, исчез, обрек маленькую семью на жестокое существование.

- Я снова пойду туда, - Рэн поднял взгляд, тёмно-бордовые глаза горели странным пламенем, вызвавшим дрожь в коленях у старика. – И пусть подохну, но не дам им маму!

- Не нужно, сынок, - покачал головой Кен. – Я многое повидал на этом свете, и точно могу тебе сказать, что это станет бессмысленной смертью. Могилой для вас обоих. Дорин – не жалкий купец низкого ранга, у него много связей, и он сможет испортить жизнь тебе и Мэйлин. Так что отбрось эти мысли и ступай, поспи.

- На моём месте ты бы тоже так поступил? – с вызовом спросил мальчик. Старик ощутил, как боль кольнула сердце, хмыкнул, признавая правоту Рэна.

- Не думаю. Что ж…

Рука нащупала за колодой не новый, но надёжный колун

на длинной рукояти, которым так удобно было рубить дрова. Похоже, в этот раз инструмент сгодится и для иной цели.

- Ты не сможешь помочь ей, - в который раз повторил Кен. Взгляд старика, наконец, сверкнул гордой решимостью и задором, свойственным, скорее, человеку юных лет. – Но кто сказал, что я останусь в стороне?

Рэн удивлённо моргнул, но тотчас губы мальчика растянулись в довольной улыбке. Не всё ещё потеряно для его семьи.

Они обязательно спасут Мэйлин.

Глава 5 – Побег

- Идём, - старик поднялся, держа колун в правой руке. – Не то действительно опоздаем.

Мальчик выпрямился, держась за раненый бок.

- Мы должны успеть, - твёрдо сказал он. Кену понравилась его решимость.

- Тогда поторопись.

Развернувшись, мельник быстрым шагом, почти бегом, направился к мосту. Рэну пришлось изрядно постараться, чтобы не отстать от него – сил у мальчика осталось крайне мало.

Деревня будто вымерла. Тёмные окна домов, похожие на мрачные провалы в черепах мертвецов, затихшие собаки, даже ветер смолк, предоставив царствовать тишине.

Калитка, ведущая во двор Клама, оказалась распахнута настежь, но Рэн помнил, как опирался на неё, уходя отсюда. Получается, что кто-то ещё покинул дом? Может, мама?

Подворье старосты тоже окутало молчание. Ни света в окнах, ни весёлых голосов. Даже Риса с подружками куда-то запропастилась, хотя торговец и староста не могли отпустить Мэйлин так рано.

- Что-то здесь не ладно, - прошептал Кен. Мальчик кивнул.

- Слишком тихо. И все исчезли, - заметил он. Старик по-

косился на маленького спутника, крепче перехватил рукоять колуна.

- Держись за мной, парень. И будь настороже.

Рэн послушно спрятался за спину мельника. От старика пахло сеном, потом и немного – вином. Он излучал силу, какую мальчик никогда ранее не ощущал в Кене. Словно помолодел лет на двадцать.

Оба поднялись на крыльцо, Кен протянул руку, чуть помедлив, толкнул дверь. С протяжным скрипом та отворилась. Лунный свет неторопливо скользнул внутрь, осветив комнату, стол, скамью, на которой полулежали окровавленные тела…

- Нет! – крикнул Рэн, бросаясь вперёд, но пальцы старика сомкнулись на вороте рубашки, удержали мальчика.

Трое убитых: Клам, Йери и… Мэйлин. У всех перерезаны глотки, а у стола спокойно стоял Дорин, аккуратно очищая от крови узкий стилет, больше похожий на крупную иглу с рукоятью.

Торговец обернулся на звук, вперил взгляд в беззвучно плачущего мальчика, затем перевёл внимание на мельника.

- Зря вы пришли сюда, - негромко произнёс купец. Ледяные глаза ярко сверкнули в полутьме, а полноватое лицо казалось вытесанным из камня. – Вы опоздали. Скоро всё закончится.

- Почему ты убил её? – выкрикнул Рэн. – Мама…

Во взгляде Дорина, казалось, мелькнула тень сожаления,

но в следующий миг торговец снова выглядел равнодушным.

- Вам всё равно не жить, - спокойно объяснил он, полируя клинок небольшим куском ткани. – Все жители деревни будут убиты, или попадут в рабство.

- Что ты такое несёшь? – прошептал Кен, глядя на убитых.

Дорин махнул рукой.

- Прислушайтесь, и поймёте.

Рэн не слушал слова купца, он смотрел лишь на мёртвое мамино тело, с красной кровавой полосой на шее, с заляпанным кровью платьем и застывшим на лице выражением неверия и ужаса. Она, похоже, очень страдала, прежде чем умереть. Но зачем? Зачем Дорин так поступил? Прошло всего полчаса после того, как мальчик ушёл! Что здесь творилось? И где Риса с девочками?

На улице раздался топот копыт, лязг доставаемого из ножен оружия, быстрые шаги. Мальчик услышал, как застучали двери домов, распахиваемые настежь, срываемые с петель. Несколько минут спустя до Рэна донеслись первые болезненные вопли.

- Что ты натворил? – рявкнул Кен, потрясая колуном. – Говори!

Дорин пристально взглянул на старика, мягко улыбнулся.

- Всего лишь послал Мальто за подкреплением. У меня, видите ли, есть хорошие, просто замечательные друзья, которым очень нравится забирать ценности, ресурсы и жизни бесполезных отбросов, вроде вас. Но не волнуйтесь, детей

мы убивать не станем, продадим на невольничьем рынке. А вот взрослые и старики нам не нужны. Только женщины, но и те ненадолго.

Он облизнул губы, мерзко ухмыльнувшись.

- Ну а после того, как мы вдоволь награбим и изнасилуем всех женщин, девушек и девочек, сожжём здесь всё к демонам. Никто и не почешется, если исчезнет такая маленькая деревушка.

- Ты ведь торговец, зачем ты так поступаешь? – пробормотал Кен, взгляд старика растерянно искал на лице Дорина хотя бы малейший намёк на шутку, розыгрыш. И не находил. Три трупа свидетельствовали о серьёзных намерениях купца, а крики, доносящиеся с улицы, только больше подтверждали его слова.

- Деньги, старик, всего лишь деньги, - развёл руками Дорин. – За рабов очень хорошо платят, особенно за маленьких и крепких, способных в дальнейшем стать преданными слугами, выполнять любую работу. По серебряному за раба, это отличный размен.

- Деньги, - мельник затрясся от слов купца. – Нельзя всё измерять только ими! Как же честь? Совесть? Где твоя человечность? Не боишься потерять репутацию?

- А что такое человечность? – деланно удивился Дорин. – Репутация же не пострадает. Меня здесь не было, Кен. Я приезжал на пару часов, поздоровался со старым другом и поехал восвояси, не задерживаясь. В сторону ближайшего го-

родка. И очень потом скорбел, узнав о разоренном селении и убитых жителях.

- Ты не человек, - выплюнул мельник. – Мерзкое отродье бездны! Гореть тебе адским пламенем!

- Передавай привет моим сородичам, в таком случае, - рассмеялся торговец, покачивая стилетом и шагая в сторону старика с мальчиком.

- Беги отсюда, малыш! – крикнул Кен, выставив перед собой топор. – Беги со всех ног! И не оглядывайся!

Дорин был уже совсем рядом. Старик замахнулся колуном, но купец на удивление ловко уклонился от выпада, чуть пригнувшись, кольнул стилетом в ногу мельника. Побежала кровь.

- Уходи! – повторил Кен, сдерживая крик боли. И Рэн не выдержал. Резко развернувшись, мальчик побежал прочь.

На деревенской улице творилось невесть что: убитые мужчины, старики и старухи изломанными куклами валялись тут и там, а большие, одетые в потрепанную кожаную броню разбойники с весёлыми улыбками вытаскивали из домов девушек, женщин помоложе и даже маленьких девочек и развлекались, выплескивая свою похоть, уничтожая последние искорки человечности и души в селянах.

Рэн ощущал, как раскалывается от боли голова, мёртвая мать стояла перед глазами, укоризненно глядя на мальчика, а крики, треск пламени, медленно пожирающего дальние дома, стоны довольных татей и лязг стали за спиной смешались

в жуткий хоровод звуков, ввинчиваясь в сознание и подтачивая душу.

Страх гнал мальчика вперёд, не позволяя смотреть по сторонам, но порой некоторые картины всё же мелькали перед ним, оставляя рваные раны на сердце. Да, он не любил деревенских, за исключением старика Кена, но никогда не желал им подобной участи. Только не такая смерть, не от рук обезумевших от вседозволенности бандитов.

Особенно врезались в память Рэна изломанные до неузнаваемости тела Горки, Лорта и Вада, валявшиеся в грязи у старого амбара. Остекленевшие глаза ребят таращились на мир, вызывая тошноту и желание никогда больше их не видеть.

Казалось, никто не замечал мальчика, промчавшегося через всю деревню, небольшое поле и скользнувшего в густые заросли деревьев на опушке леса. Тати были слишком заняты грабежом и насилием, а ночная тьма сыграла Рэну на руку, позволив уйти.

Он мчался по лесу, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни деревьев и спутанную густую траву. Пару раз мальчик больно приложился плечом о нижние ветки, до боли закусив губу и стараясь не закричать. Сломанные ребра эхом отзывались на эти удары, а в голове гудел бешеный колокол. Рэну казалось, что он вот-вот рухнет без сил, и либо сердце разорвётся от напряжения, либо треснет голова. Но продолжал бежать, не чувствуя ног.

В конце концов, скатившись с небольшой возвышенности, мальчик забился в неширокую щель между корнями дерева и земляным наростом, свернулся клубочком и тяжело задышал, пытаясь привести мысли и чувства в порядок.

Дорин оказался не тем, за кого себя выдавал и *убил* старосту, Йери и маму. Он умеет сражаться, и, похоже, отлично орудует стилетом, а вот старик Кен совсем не воин, и вряд ли представляет серьёзную угрозу для купца. Как ни мерзко это осознавать, но, видимо, мельника уже нет в живых.

Две тонких дорожки слёз скользнули по щекам Рэна.

Может быть, это он виноват в смерти этих людей? Из-за того, что часть его души принадлежит бывшему богу, Арриду? Тому самому, который мог мановением руки уничтожать планеты. Тому, чьё имя считали созвучным с проклятием.

Рэн тихонько выдохнул. Сердце слегка успокоилось, но голова продолжала болеть. Возможно, он прав, и все события сегодняшнего вечера – связаны с проклятием, довлеющим над ним. Или же так уготовано Судьбой, и ему крайне повезло спастись, не став добычей убийц и насильников.

Рэн вздрогнул. Рано говорить о спасении, деревня не так уж далеко, а Дорин наверняка отправит за ним погоню. Он не захочет упускать одного из вероятных рабов.

Как быть? Ноги мелко подрагивали, трудно было даже пошевелить пальцем, не говоря о ходьбе или беге. Слишком тяжелыми оказались травмы, полученные от торговца, и слишком слабо тело ребёнка.

Можно поспать пару часов здесь, за это время тати не успеют уничтожить деревню, они всё ещё будут играться с женщинами. Это даст ему шанс.

Сердце кольнула боль от осознания, что он с легкостью разменял бы чужие жизни на свою, лишь бы получить больше времени на отдых и восстановление сил. Но такова реальность.

Поначалу этот мир казался Рэну хорошим, дружелюбным и подходящим для саморазвития. Теперь же он не оставлял ему иного выхода. Тьма, смерть и боль здесь частые гости. Как и в бывшей вселенной Аррида.

От себя не убежишь.

Раньше он пытался забыть эту истину, как страшный сон, надеясь начать всё с чистого листа, заняться воинским ремеслом и однажды превзойти себя прежнего. Слишком больно было осознавать, что те мысли останутся лишь мечтами.

Никто и никогда не позволит маленькому мальчику вырасти сильным и могучим воителем. Мир постарается убить его, растоптать, уничтожить, смешать с грязью и выплюнуть – то, что останется. *Личинку человека*, не более.

Рэн вытер слёзы разорванным рукавом рубахи, похоже, одежда пострадала от острых веток, когда он бежал по лесу. И ему придётся повторить тот подвиг снова. И снова. До тех пор, пока родная деревня не окажется далеко позади.

Выбравшись из укрытия, мальчик с огромным трудом выпрямился, опираясь о корень дерева. Все тело болело так,

будто его придавило громадным камнем. Но нельзя быть слабым. *Нужно идти вперёд*.

До крови закусив губу, Рэн медленно зашагал на запад, не зная, куда приведёт этот путь через лес.

Но там явно будет лучше, чем сзади, на востоке, где над деревьями поднимался гигантский столб дыма. Деревне пришёл конец.

Глава 6 – Невольник

Идти было не просто тяжело: каждый следующий шаг болью отзывался в сломанных ребрах, а ступни горели огнём. Рэну казалось, что ещё немного – и он рухнет на землю, заснув вечным сном. Но что-то продолжало полыхать внутри, подгонять мальчика, и он шёл.

В один момент лес вдруг резко оборвался, сменившись равниной, покрытой густой высокой травой, Рэну она была по грудь. Помимо этого, землю здесь усеивали ветвистые побеги вездесущего сорняка, спутывающие ноги и мешающие идти. Пару раз мальчик запнулся, с огромным трудом удержал равновесие, но ребра остро кольнули, вызвав невольный стон. Стиснув зубы, Рэн продолжил путь, глядя под ноги: в предрассветном сумраке сложно разглядеть куда ступаешь.

Он прошёл довольно большое расстояние от леса, деревья давно скрылись за горизонтом, когда первые робкие лучи солнца выскользнули из-за травы, неуверенно коснулись лица мальчика.

И Рэн упал, не в силах больше шагать. Все тело мелко потряхивало от изнеможения, желудок прилип к позвоночнику, и пришлось закусить рукав рубахи, чтобы создать небольшую иллюзию для разума. Заметив слева неглубокую выщерблину в земле, Рэн заполз туда, прижался к покрытому сорняками карнизу и закрыл глаза.

Он понятия не имел, что будет с ним после, будущее представлялось туманным, неопределенным. Ясно только, что нужно бежать как можно быстрее и дальше от родной деревни. Те звери в человеческом обличье пойдут следом, и они не должны найти его. Иначе всё кончено.

Перед глазами снова возник образ матери, спокойно улыбающейся, а в ушах раздалось негромкое: «Прости». Рэну показалось даже, что он ощутил запах мамы, такой привычный, до боли знакомый, с самого детства бывший рядом. И вдруг всё исчезло: и образ, и запах, и ощущение присутствия. Мэйлин ушла из этого мира. Насовсем.

Рэн тихонько вытер одинокую слезинку, скатившуюся по щеке, глубоко вздохнул и погрузился в дрёму. Чтобы продолжать путь, он обязан хоть немного поспать, иначе убьёт сам себя.

Человеческое тело слишком хрупкая вещь, не предназначенная для столь длительного выявления пределов выносливости. Чудо уже то, что он сумел так далеко зайти, и не умереть от истощения.

В какой-то момент дрёма превратилась в крепкий сон, прервавшийся очень внезапно.

- Он здесь, господин! – крикнул кто-то, грубые руки вздёрнули его за шиворот, швырнули в сторону. Рэн широко распахнул глаза, зажмурился от ярко сияющего солнца. Проморгавшись, разглядел вокруг недобрые лица взрослых мужчин, одетых в кожаные доспехи и хорошо вооруженных.

Рядом с мальчиком встал тот, кто кричал, довольно ухмыляясь.

На крепком гнедом жеребце подъехал Дорин, сверху-вниз поглядел на Рэна. Ледяные глаза торговца не выразили никаких эмоций, но пухлые губы растянулись в усмешке.

- Отличная работа, Грэм, получишь премию – две серебрушки, - похвалил он подручного. Тот подбоченился, горделиво задрал нос. – Мальчик, ты заставил нас поискать. Стоило ли бежать оттуда, раз мы всё равно тебя нашли?

Рэн промолчал, хмуро глядя на купца. Дорин покачал головой.

- Не хочешь говорить? Твоё право, я бы тоже не стал зря сотрясать воздух, окажись вместо тебя. Но если думал укрыться от чужих глаз, стоило снять эту приметную рубаху. Бежевый цвет, покрытый красными пятнами, сильно выделяется в траве. Давай его к остальным, - приказал он Грэму. Тать грубо толкнул мальчика в сторону небольшой колонны детей, чьи руки были стянуты веревками, а сами они связаны в одну линию. По бокам и сзади за пленниками наблюдали подручные Дорина, также сидящие на лошадях. Чуть позади, отстав, двигался фургон – крытая телега – с пухлым усатым возницей на козлах.

Всего Рэн насчитал порядка полутора десятков татей, не считая этого самого возницы и Дорина, пока Грэм вёл мальчика к колонне. Крепко связав кисти рук, разбойник прикрепил конец верёвки к общей линии и подтолкнул Рэна в

спину.

Все дети были знакомы мальчику: каждый из них, по сути, являлся его соседом. Некогда улыбчивые, весёлые, довольные жизнью, сейчас они напоминали лишь пустые оболочки, из которых вытекло нечто важное. Остались только мёртвые безжизненные глаза, равнодушно взирающие на окружающий мир.

- Шевелитесь, маленькие твари! – прикрикнул один из конвоиров, для пущей наглядности хлестнув длинным кнутом ближайшего к нему ребёнка. Тот громко вскрикнул от боли, пошатнулся, но линия уже начала движение, и малышу не дали упасть.

Рэн медленно передвигал конечности, украдкой глядя по сторонам. Тати выглядели совершенно спокойными, будто выполняли обычную работу. Скорее всего, так и было, особенно, если вспомнить слова Дорина, сказанные Кену.

Похоже, купец ведёт их на невольничий рынок, чтобы получить, как он выразился, *отличный размен*. Все дети в этой колонне, все семеро, не более чем *товар*, принадлежащий сейчас Дорину.

Буквально вчера вечером они были свободными людьми, занимались своими делами, разговаривали с родителями, а теперь…

Теперь всё стало другим.

Придётся притвориться сломленным, послушным, лишённым воли и стремления убежать, решил Рэн. Иначе До-

рин не спустит с него глаз. А постоянное внимание торговца помешает мальчику обрести свободу. Впрочем, сейчас она представляется крайне несбыточной мечтой. Даже будь он старше, не смог бы справиться с пятнадцатью взрослыми мужчинами, к тому же, вооруженными.

Рэн покосился на всадников справа. Кожаные жилеты, под которыми виднеются плотные на вид тканевые гамбезоны, довольно длинные, их края прикрывают бедра, вроде юбки. На ногах – грубые штаны из какой-то дешевой ткани, но вполне надёжные, способные защитить и от непогоды, и от пары касательных ударов. Обуты разбойники в обычные сапоги, не слишком высокие. У каждого на боку или кинжал, или короткий меч, висящий в кольце – ножны были только у Дорина. Некоторые владели луком, но стрел в колчанах было не много, возможно, часть потратили при захвате деревни.

Рэн понял, что опыт Аррида позволил ему увидеть и понять всё это, и возблагодарил Судьбу за то, что он не просто крестьянский мальчик, а некое существо, созданное из двух слившихся воедино душ. Это помогло сохранить самообладание, не сойти с ума от увиденного ночью, и пережитого ранее. И он надеялся, что хоть кто-нибудь из других детей сумел выдержать подобное. Потому что в одиночку спастись не получится.

Как ни странно, но Дорин гнал отряд с пленниками на запад, куда изначально брёл Рэн. Возможно, мальчика действительно вела туда Судьба? Но ему не повезло, и тати схва-

тили его.

Радовало только, что они не станут ничего делать с детьми, им *нельзя портить товар*. Сколько бы там ни было миль до города, где их продадут, это время можно потратить на обдумывание ситуации, в которую угодили уцелевшие жители деревни.

Чуть позже равнина сменилась редким лесом, и тогда Дорин приказал отряду остановиться. Изнывающие от усталости дети попадали на землю, тяжело дыша. Рэн чувствовал, как пересохло в горле, настолько, что даже язык, казалось, прилип к нёбу.

- Посадите рабов в корзины и погрузите в фургон, - приказал купец нескольким подручным. Грэм, тяжело вздохнув, спрыгнул с коня и подошёл к Рэну. Отвязав мальчика от линии, разбойник потащил его к подъехавшей телеге, с которой пара татей выгружала плотно плетённые корзины, в каких обычно возят продовольствие, или сыпучие товары. Один за другим, детей сажали в эти корзины и, поднатужившись, грузили обратно в фургон. Рэна Грэм впихнул одним из последних, закрыв сверху крышку, но не до конца, чтобы мальчик мог дышать. Руки у него по-прежнему были стянуты.

Ощутив, как корзина стукнулась о борт фургона, Рэн выдохнул и откинул голову назад, слегка прикрыв глаза. Чуть погодя, телега тронулась.

Дети молчали, то ли уснувшие от усталости, то ли погруженные в себя, и Рэн решил последовать их примеру. Крат-

кий предрассветный сон не принёс ему облегчения, и ни капельки не убрал истощение. К тому же, очень хотелось есть и пить, но никто не удосужился позаботиться о голодных детях.

Дорину плевать, в каком состоянии они будут, их в любом случае приведут в порядок перед продажей, а до этого… кому какое дело до *рабов*?

Раб. Рэн покатал это слово на языке. От него отдавало каким-то горьким привкусом, словно он сунул в рот полынь. Не такой жизни мальчик желал, находясь в деревне, но, похоже, местные боги уготовили селянам суровые испытания. Если, конечно, в этом мире есть высшие существа.

Мать никогда не говорила о религии, но взрослые иногда ругались, поминая демонов. Раз имеются демоны, то должны быть и те, кто на другой стороне, верно? Но странно, что в деревне Рэна не было ни одной часовенки или даже алтаря. Может, религия не слишком распространена в этой части света? Или, что ещё хуже, люди этой эпохи вовсе забыли всё, связанное с богами?

Слишком много вопросов, и никто не даст на них ответ просто так. В который раз Рэн пожалел о своём возрасте, но здесь он полностью бессилен. Да и нет уверенности, что удастся дожить до совершеннолетия, не говоря уж о взрослении. Этот мир не щадит детей.

Вскоре кочки сменились более ровной дорогой, из чего мальчик сделал вывод, что фургон покинул лес и выехал на

тракт. Возница принялся насвистывать какой-то незнакомый Рэну мотив, иногда шумно сморкаясь и кашляя. То ли он был простужен, то ли это доставляло усатому разбойнику некое удовольствие.

Раздался цокот копыт, кто-то приблизился к фургону.

- Будь настороже, Кайн, - голос Грэма. – Если проверяющие полезут в корзины…

- Да знаю я, малец, - с смешком пробасил возница. – Не впервой, чай.

- Смотри, - пробормотал Грэм, после чего удалился.

- Будет он меня учить ещё, молокосос недоделанный, - буркнул Кайн.

Примерно через час фургон остановился, до Рэна донесся зычный голос Дорина:

- Эйкель, дружище, неужто тебя перевели на восточные ворота?

- Повысили до командира надвратной башни, - с затаённой гордостью сказал неизвестный Эйкель. – А ты какими судьбами в славном городе Арнее, уважаемый Дорин?

- Да вот, везу новый товар, - спокойно отозвался купец. – Всё так же, по две серебрушки за человека и пять – за фургон?

- Ага, - подтвердил Эйкель. – Как оно там, на востоке-то?

- Ветра дуют теплее, чем здесь, - засмеялся торговец. Дальше между ним и стражником зашёл ничего не значащий для Рэна разговор, и мальчик незаметно задремал, пользуясь

моментом.

Очнулся он, когда фургон вновь тронулся, и корзину слегка качнуло на кочке. Пару минут спустя до ушей мальчика донёсся шум города: топот ног, громкие голоса, лязг стали, звон, стук, шипение, даже слабые запахи еды. Желудок скрутило от желания что-нибудь съесть. Рэн впился зубами в рукав рубахи, пропитывая его слюной и тихонько поскуливая. От долгого сидения в корзине сломанные ребра начали противно ныть, а дышать становилось всё тяжелее. Ему нужно к лекарю, но разве кого-то заботит здоровье раба?

Фургон долго петлял по городским улицам, самой шумной из которых оказалась, по-видимому, рыночная, где отовсюду раздавались призывные крики торговцев, завлекающих покупателей и вовсю утверждающих, что их товар – самый лучший. Будь у него хотя бы немного больше сил, Рэн вырвался бы из корзины, выскочил из фургона, и помчался в толпу, моля о помощи. Возможно, ему удалось бы наткнуться на стражников, и те наверняка смогли защитить мальчика. Возможно.

Нет.

Он почти уверен в том, что у Дорина есть план на подобный случай. Быть может, у торговца имеются связи с местными стражами, и никто не встанет на защиту пленников. Никому нет дела до детей, потерявших семьи и медленно теряющих остатки человечности. Рэн не был уверен, что сам сумеет долго продержаться, не поддаваясь отчаянию и боли.

Если они поглотят его с головой, он исчезнет, сойдёт с ума, растворится в отрицательных эмоциях, перестанет быть собой.

И никогда не найдет дорогу обратно.

Вскоре отряд остановился, заскрипели, открываясь, ворота, и телега заехала, похоже, во двор.

- Погоди, Кайн, оставим фургон в амбаре, - крикнул один из татей. Кто-то пробежал мимо, стукнул засов, и возница направил телегу внутрь.

Через несколько минут разбойники принялись вытаскивать детей наружу, вытряхивать из корзин. Их собрали кучей, всех семерых, и привязали к столбу, вбитому в землю почти у самой стены амбара.

- Можете немного походить, размяться, - разрешил подошедший Грэм. – Господин дозволяет вам даже отужинать, правда, чуть позже.

Тать рассмеялся и, махнув рукой остальным, увёл их, надёжно заперев двери.

Рэн пошевелился, разгоняя кровь, прикусил губу, когда боль прострелила бок. Тяжело дыша, огляделся. Среди детей была и Риса, дочь Клама, некогда ехидная, высокомерная и довольная собой. Мальчик не заметил её раньше, потому что прежде стянутые в задорный хвостик густые чёрные волосы девочки сейчас оказались растрёпаны, а глаза, в которых он всегда видел лишь презрение, превратились в два пустых сосуда.

Рэн не пытался заговорить с остальными, видя, что они не в себе. Он, как ни странно, прошёл эту стадию, она закончилась в тот момент, когда образ Мэйлин испарился из его сознания. Скорбь не ушла, но сильно утихла, присыпанная болью, голодом и сожалениями о том, что не сумел помочь матери.

Походив вокруг столба, мальчик покосился на других детей, сидящих у стены. Им было всё равно, что случится потом, словно кто-то незримый потихоньку вытягивал из них души.

Рэну стало страшно. Страшно видеть, как дети сломались, оказавшись в безвыходной ситуации, потеряв всё. Да, у них погибли родители, и часть друзей, те, кто оказал сопротивление. Но сам пленники ещё живы, и пока это так, есть шанс спастись, выбраться отсюда.

Вот только, попытайся он заговорить об этом, никто не отреагирует на его слова. Ни Рисы, ни остальных больше не было. Они умерли. Остались лишь пустые оболочки тех, кого он знал раньше.

И это доставило Рэну невыносимую боль.

Глава 7 – Путь

Чуть позже, когда солнце, просвечивающее сквозь щели, накренилось к земле, Грэм и пара его товарищей принесли детям еду. По правде говоря, это были лишь объедки: остатки с блюд, которыми наверняка потчевали Дорина, но изголодавшиеся детские животы оказались рады и такому.

Набросившись на пищу, Рэн краем глаза посматривал на разбойников. Те, казалось, веселились, наблюдая за жалкими пленниками, чьи трясущиеся руки с трудом хватали еду и запихивали в рот.

- Бедняжки, - с издевкой произнёс Грэм. – Ничего, потерпите, скоро вы окажетесь на рынке, где вас наверняка купит кто-нибудь богатый и влиятельный. Попадёте в хорошие руки, станете верными слугами. Молитесь только, чтобы вас не взяли в качестве игрушек для плотских утех.

Рэн вздрогнул, представив такую ситуацию. Да, тать прав, им стоит молиться изо всех сил, чтобы не угодить в лапы к тварям в людском обличье. Случись подобное, мальчику никогда не сбежать оттуда, он очень скоро окажется сломлен, разбит и раздавлен.

Как бы ни повернулось колесо Судьбы, нужно держаться.

- Ну всё, поели, и хватит, - решил Грэм, отбирая мешок с остатками. – С голоду не подохнете, а это – на корм местным свиньям. Хорошей ночи, ребятишки!

Грубо хохоча, все трое покинули амбар, заперев двери. Рэн вытер рот рукавом рубахи и прижался к стене. Где-то неподалеку шумел город, раздавались громкие голоса. Свобода так близко, но никто не услышит, если они начнут кричать. Гораздо быстрее придут тати, и жестоко изобьют. Остаётся лишь сидеть, и ждать удобного случая. Возможно, перед тем как попасть на невольничий рынок, ему удастся устроить побег?

Впрочем, Рэн не обманывался. За ними хорошо следят, снаружи наверняка бродит пара разбойников, приглядывающих за амбаром. Никто не даст детям обрести свободу, так внезапно ими потерянную.

Остальные выглядели всё такими же отрешёнными, не глядя друг на друга расселись вдоль стены, некоторые почти сразу уснули, другие бодрствовали. Рэн взглянул на Рису, уставившуюся в одну точку и казавшуюся совсем иным человеком.

- Эй, - он попробовал позвать её, но девочка не откликалась. Никто из детей селян не отреагировал на его голос.

Похоже, *им нужно больше времени*, чтобы очнуться. Если они вообще смогут стать прежними. Рэн сильно сомневался в этом. У него была слившаяся воедино личность, часть которой принадлежала некогда могущественному созданию, но у этих детей… они слишком хрупкие.

Вскоре сгустились сумерки, и охранники снаружи подвесили у дверей зажжённый фонарь, отблески которого сла-

бо пробивались сквозь щели амбара. Этот тусклый свет несколько успокоил Рэна, расслабил натянутые, словно канаты, нервы.

Пленники крепко уснули, изрядно утомлённые сначала ходьбой, а потом тряской в фургоне, но мальчику не спалось. Чуя затылком прохладный ночной ветерок, он размышлял.

Если бы у него был нож, Рэн смог бы перерезать путы и выбраться из амбара, в дальнем углу темнела небольшая, но достаточная для ребёнка щель между досками. С его телосложением протиснуться туда пара пустяков. Но проблема именно в верёвках, стягивающих кисти рук.

Мальчик взглянул на оковы. Слишком крепкие, к тому же, Грэм чересчур сильно связал ему руки, пальцы с трудом ощущались, а кожа под верёвками саднила. Ножа у него нет, но можно попробовать иной способ.

Рэн наклонился и вцепился в верёвку зубами, принявшись покусывать и жевать. С трудом, но воняющая пылью и чем-то ещё, таким же мерзким, бечева начала размякать. Спустя какое-то время мальчик остановился, чувствуя, как болят зубы и сводит от напряжения челюсть. Такими темпами ему понадобится очень много времени, чтобы освободиться от пут. Гораздо больше, чем есть у ночи.

Ещё час мальчик пытался ослабить верёвки, но безрезультатно. То ли силы окончательно покинули его, то ли оковы оказались гораздо крепче, чем подумалось изначально, но усилия Рэна ни к чему не привели.

Похоже, придётся найти иной способ, подумал он. Но на ум приходил лишь нож, которым можно разрезать верёвку и освободить себя, и других. Вот только где его раздобыть? Охранники тщательно следят за пленниками, а при погрузке в корзины ощупывают с ног до головы. Нет, до тех пор, пока они не доберутся до цели, Рэну не удастся ничего предпринять.

Значит, остаётся только смириться с неизбежным и попытаться уснуть.

Тем не менее, спал мальчик отвратительно. Всю ночь ему снились кошмары, огонь, кровь, обезумевшие люди, жаждущие убивать, и, под конец, старик Кен, с перерезанным горлом, лежащий на полу дома старосты. Под телом мельника растекалась красная лужа, в то время как всё вокруг медленно пожирало пламя.

Рэн с криком открыл глаза, сел, тяжело дыша, чувствуя, как спина стала вся липкая от пота, и волосы тоже. Смахнув капли со лба, мальчик огляделся. Другие дети ещё спали, но снаружи постепенно светало. Значит, скоро снова в путь.

Тати пришли через час, напоили детей из старого, едва не рассыпающегося, ведра, после чего вновь погрузили всех в корзины.

По городу фургон петлял недолго, совсем скоро выбравшись через ворота на тракт – Рэн понял это по увеличившейся качке и тихой ругани возницы, проклинавшего «мерзкую западную дорогу».

Спать не хотелось - не после ночных кошмаров - и Рэн принялся медитировать, кое-какие умения у него имелись, почерпнутые из знаний Аррида. В состоянии медитации разум мальчика не одолевали сомнения, страхи, надежды и планы. Он просто находился *нигде*, свободный от всего. И это нравилось Рэну. К тому же, как он ощутил, медитация позволяла ему оттачивать свой ум, осмысливая кладезь информации, принадлежавший бывшему богу. Конечно, детский мозг не способен был принять её целиком, но небольшая часть оказалась весьма полезной для развития ребёнка.

Если бы только у него был *дар*.

Воспользовавшись опытом Аррида, Рэн смог бы быстро и легко расправиться с конвоирами, освободить детей и заняться тем, чем планировал изначально – саморазвитием. Жажда мести за Аррида теперь сплеталась с желанием прикончить Дорина, без угрызений совести уничтожившего родную деревню мальчика. То, с какой легкостью купец убивал сам и отдавал приказы, показало, что это далеко не первый случай. Сколько ещё людей на счету торговца? Скольких детей он оставил без крова и семьи? И почему до сих пор никто не свершил правосудие?

И есть ли оно вообще в этом мире?

Рэн начал подозревать, что нет. Люди вроде Дорина были и в Царствах, наживающиеся на чужом горе и считающие себя выше закона. Аррид называл таких выродков *падальщиками*. И мальчик был с ним согласен.

Однажды я смогу вырваться, и тогда найду тебя, Дорин. Ты дорого заплатишь за всё, что сделал с нами, *клянусь честью*.

Несколько раз отряд делал остановки близ тракта, чтобы дети могли справить нужду и выпить воды. Похоже, купец всё же беспокоился о товарном виде пленников, и старался не доводить детей до ужасного состояния. Тем не менее, комфортными такие условия назвать было нельзя.

К вечеру всё тело Рэна изрядно затекло, а ребра разболелись настолько, что стало крайне трудно дышать. Каждый вдох болью отзывался в боку, а в горле возникал негромкий хрип. Если так продолжится, он станет калекой. Нужно сменить повязку, наложенную Кеном, иначе ребра срастутся неправильно. Ещё лучше, конечно, было бы обратиться к лекарю, но кто даст ему такую возможность?

В конце концов, фургон проехал по изрядно выщербленной дороге, и остановился. Раздался довольный вздох возницы. Чуть погодя, детей вытащили наружу, подвели к широкому старому дубу, крепко перевязали ствол веревкой, чтобы пленники никуда не сбежали.

Сумерки уже постепенно сменялись ночью, и тати, недовольно качая головами, разводили костёр. Дорин сидел у дерева неподалёку, что-то задумчиво крутил в руках, но в темноте Рэн не сумел разглядеть, что именно.

Вскоре пламя большого костра весело заплясало, отбрасывая яркий свет, выхватывая из теней усталые, но доволь-

ные лица татей. Кто-то из них принёс тушку кролика, бросил другим.

- Ну, Лейф, остроте твоих глаз может позавидовать любой сокол, - фыркнул Грэм, находившийся рядом с детьми. Добытчик пожал плечами.

- Было нетрудно. Мать говорила, мой отец на три четверти рианин, а они, как водится, больше шастают по ночам, чем днём.

- Ну ты и мутант, - восхитился кто-то. Разбойники засмеялись. Лейф хмыкнул, махнул рукой и сел в сторонке. Он показался Рэну непохожим на остальных татей, словно бы случайно попал в их число. Тихий, незаметный, не участвующий в разговорах, этот парень лет двадцати с небольшим, тем не менее, не позволял другим помыкать собой. На немногочисленных привалах мальчик видел, как Лейфа пытались заставить следить за детьми, но тот покачал головой и ушёл в лес. И никто не сказал ему ни слова, даже Дорин.

Это было *необычно*. Кто же такой этот охотник, что даже торговец не перечит ему? Рэну хотелось бы узнать о Лейфе побольше. Может, он захочет помочь детям? Хотя, это маловероятно. Будь разбойник альтруистом, он не участвовал бы в захвате деревни и убийствах жителей. Нет, в этом отряде нет хороших людей. *Они все убийцы*, которых следовало бы вздернуть на суку.

Когда костёр достаточно разгорелся, выделенные Грэмом тати принесли пленникам еды. Вместе с ними подошёл и сам

Дорин. Купец свысока взглянул на Рэна, в ледяных глазах торговца застыло странное выражение.

- Ну что, малыш, как тебе новая жизнь? Нравится?

Рэн не ответил, молча ожёг предводителя разбойников ненавидящим взглядом.

- Ну-ну, не стоит так смотреть на меня. Между прочим, я не убил тебя, хотя мог бы. Слишком уж ты проблемный мальчик. Но такие, как раз, высоко ценятся среди рабов. Может, тебя купят Смотрящие, станешь настоящим воином, пусть и несвободным.

- Кто такие Смотрящие? – впервые заговорил мальчик. Голос его прозвучал хрипло, как-то не по-детски, заставив Дорина слегка вздрогнуть.

- Наставники на Арене. Отбирают способных мальчишек, чтобы воспитать из них кровожадных бойцовых псов. Большая часть таких погибает в первые годы, но те, кто выживет – становятся лучшими из лучших, способными голыми руками убивать любого врага.

Рэн покачал головой.

- Я не хочу становиться таким.

Дорин рассмеялся.

- Как-будто здесь что-то зависит от твоего желания. Ты никто, малыш, и у тебя больше нет своей воли. Теперь за тебя решаю я, а после покупки – твой будущий хозяин. Станет им Смотрящий, или кто-то другой, мне, если честно, плевать. Но пока мы в пути, я хорошенько позабочусь о вас, сиротках.

Торговец снова засмеялся, швырнул Рэну кусок чёрствого хлеба. Мальчик вновь бросил на Дорина яростный взгляд, после чего принялся делить еду на всех.

Купец довольно хмыкнул. Ему понравилось поведение ребёнка.

Разделив хлеб с остальными пленниками, Рэн принялся жевать свою порцию, задумчиво глядя перед собой. Значит, некоторых рабов покупает Арена? Если судить по названию, это место не сулит ничего хорошего, но, что иронично, подходит для него. Человек, неспособный пользоваться даже крохами *дара*, должен стать лучшим воителем, если хочет вознестись над всеми.

Аррид обожал рисковать. Всегда на острие атаки, готовый броситься в бой, не думая о последствиях, он терял голову от вида крови и осознания собственного могущества. Бывший бог непрерывно развивался только на поле боя, в пылу сражения, находясь на самом краю и глядя в пропасть. Не зря же его называли Пляшущим-с-Бездной.

Рэн предпочитал не лезть в драку, если есть возможность избежать её. Он считал насилие крайним методом, приходящим на помощь, когда все остальные себя исчерпали. И в этом была огромная разница между этими двумя личностями.

Пару часов спустя тати начали засыпать, лишь несколько остались сидеть у костра, негромко что-то обсуждая, да Дорин делал записи в потрепанной книжице. Рэн не умел чи-

тать, но не удивился, увидев подобный предмет у торговца. Для купца способности читать и писать являются жизненно необходимыми.

Было что-то странное в том, как вёл себя Дорин. Разговаривая, он казался жестоким и беспощадным разбойником, но сейчас, сидя в стороне и выводя буквы, напоминал больше учёного, ведущего наблюдения, нежели предводителя ватаги.

Обдумывая эту разницу, Рэн и уснул.

Наутро они снова оказались в корзинах. Похоже, этот тракт являлся крайне оживлённым, раз Дорин решил прятать детей. Впрочем, мальчику было все равно. В таком положении хотя бы можно не видеть ненавистные лица татей.

- Эй, Кайн, не заскучал? – раздался вдруг голос сопровождавшего фургон разбойника. Он подвёл коня ближе, похоже, тоскуя по общению.

- Есть немного, - признался возница. – Да вроде как, скоро прибудем в Эзир.

- О, да! – обрадованно воскликнул его собеседник. – Надеюсь, выручим за товар немало деньжат, да отправимся в наш любимый квартал. Вот, где можно веселиться бесконечно.

- Ты про шлюх? – хохотнул Кайн. – Соглашусь, пожалуй. Правда, в последнее время девочки у Старой Марты не очень привлекательные. Неужели столь благородная профессия себя изживает?

- Скажешь тоже, - фыркнул разбойник. – Нормальные дамы, чего ты ожидал от деревенских простушек?

- И то верно, Нут, - согласился возница. – Эх, давненько мы не бывали в Эзире! Какой замечательный город: улицы, люди, запах, в конце концов! Если когда-нибудь решу осесть, то только там.

- Ты прав, - сказал Нут. – А слышал историю о древнем герое, основавшем Эзир?

- Не тот ли, которого кличут Шедом, или Шардом? Не могу запомнить, задери вас Има! – ругнулся Кайн.

- Он самый, - рассмеялся Нут. – Шард Беспощадный, кажется. Говорят, давным-давно, когда люди только прибыли в этот мир, на высокий холм пришёл человек. Он не был ни красив, ни статен, но обладал какой-то внутренней силой. За человеком гнались орды дикарей, жаждущих его крови. Но Шард, а это был он, не хотел сражаться. Воин предпочитал насилию мир, и потому предложил вождю этой армии встретиться и решить разногласия. Вождь согласился.

Они вместе ступили на вершину холма, откуда открывался великолепный вид на плодородную равнину. «Это всё будет моим», - сказал вождь. Шард не стал спорить. «Что ты станешь делать с этой землёй?», - спросил он. Предводитель орды задумался. «Я поселю здесь своё племя», - решил он, наконец. – «И поколения моих детей будут жить в этом месте». Шард рассмеялся, чем разозлил вождя. «Вы не сможете основать тут город», - объяснил человек. – «В вашей крови

есть лишь желание кочевать, и ни разу я не видел у вашего народа постоянных поселений. Так ответь мне, вождь, сможешь ли ты сделать эту землю полезной для своих людей?». Дикарь не сумел дать ответ, но, не в силах признать правоту Шарда, убил того, и сбросил его тело с холма.

- Так в чём тогда его роль? – удивился Кайн. – Если Шарда убили.

- Дослушай до конца, - произнёс Нут. – Слова Беспощадного заронили семя сомнений в душе вождя, и, несколько лет спустя, он начал строить город. Вскоре после этого с запада потянулись караваны торговцев из иных земель, и постепенно Эзир превратился в центр торговли, а дикари стали жителями одной из самых развитых стран мира.

- Хочешь сказать, что слова одного человека побудили измениться целый народ? – не поверил возница.

- Каждый сам делает вывод из этой истории, - со смешком заметил тать. – Как по мне, ничего особенного Шард не сказал, но, вероятно, вождь дикарей сам подумывал об изменениях, и человек, прямо ткнувший его носом в собственные традиции, послужил толчком.

- Интересная история, Нут, - протянул Кайн. – Есть что-нибудь ещё?

- Может, и есть, да вон уже стены Эзира виднеются, - негромко сказал разбойник. – Мы приехали.

Рэн вздрогнул, осознав, что путь, который вёл от самого его дома, завершился. Отряд прибыл в Эзир, и здесь его

жизнь изменится окончательно, пойдёт по другой дороге.

Колеса фургона застучали по вымощенной булыжником улице. Ворота Эзира остались позади, и Дорин повёл отряд к городской площади, где ему предстояло продать рабов.

Свобода, мелькавшая на горизонте, полностью исчезла, сменившись неизвестностью.

Рэн стиснул зубы и заплакал.

Глава 8 – Ночь

Детей вытащили из фургона на площади, отвели в сторону под присмотром Грэма. Дорин подошёл к Кайну, что-то сказал вознице, негромко, тот кивнул и, цокнув языком, погнал лошадей дальше по улице.

Рэн осмотрелся. Площадь Эзира занимала довольно много места, и здесь, казалось, имелось всё, что только можно продавать: ткани, посуда, украшения, еда, оружие и броня, и прочее-прочее-прочее. Но, что удивило мальчика больше всего, так это полнейшее равнодушие местных жителей, не удостоивших пленников внимания. Похоже, в отличие от Арнея, здесь торговля рабами не запрещалась, и потому Дорин так свободно демонстрировал свои «трофеи», не опасаясь быть арестованным. Впрочем, зачем гадать, если можно спросить у Грэма?

- Глупый вопрос, малец, - фыркнул тать. – Эзир – вольный город, здесь правят торговцы, и потому, законы изменяются так, как удобно им. Знаешь главное правило Эзира? Всё продаётся и всё покупается! Вот и думай, почему на рабов тут всем плевать.

Рэн покачал головой. Отвратительное место. Солнечные улицы города вмиг стали неприятными, наполненными опасностью, жестокостью и грязными деньгами. Весь Эзир построен на крови. Почти наверняка работорговля тут являет-

ся элитным развлечением богатых.

Ему не хотелось становиться частью этого мира, но обратной дороги нет. Раб не обладает собственной волей, он лишь подчиняется тому, кто его купил. Простая, но невероятно болезненная истина.

- Грэм! – окликнул Дорин подручного. – Веди щенков в загон, там они заночуют.

- Как скажете, господин, - кивнул разбойник и, схватившись за конец верёвки, потянул ребят за собой.

Они миновали несколько торговых рядов и оказались перед большим, но изрядно потрёпанным временем и ветрами бараком, где, похоже, предстояло провести ночь.

Грэм открыл дверь, на которой не было никакого замка, завёл детей внутрь. Здесь царил полумрак, нарушаемый лишь падающим сквозь щели в стенах светом. По обеим сторонам узкого помещения имелись железные прутья, к которым, по-видимому, и цепляли рабов. Грэм продел сквозь прутья конец верёвки, крепко обернул, сделал сложный узел.

- Хорошей вам ночи, ребятки, - со смешком сказал тать. – Не скучайте.

Он вышел на улицу, хлопнув дверью. Заскрежетал старый проржавевший засов, с трудом вставший на место.

Дети расселись вдоль стены, такие же равнодушные, опустошенные и раздавленные. За несколько дней пути ничего не изменилось. Один лишь Рэн сохранял волю к жизни. Пока что.

Похоже, они не первые, кого держат в этом бараке, подумал мальчик. *Но боги, какое же скверное место!*

Устроив слегка замёрзшие ладони между ног, Рэн прикрыл глаза. Минута слабости, нахлынувшая, едва фургон заехал в Эзир, прошла, но послевкусие осталось. Он и впрямь осознал, что мысли о побеге – пустая трата времени. Слишком уж внимательно подручные Дорина следят за детьми, да и неудивительно: за них хорошо заплатят, если верить словам торговца. Кто в здравом уме станет рисковать выручкой?

Снова загремел засов, в барак зашёл Дорин. Окинув взглядом пленников, купец задержался на Рэне.

- Ты всё ещё не сдался, - с некоторым удивлением заметил он. Мальчик промолчал. – Что ж, славно. Надеюсь, тебе понравится быть в услужении у своего нового хозяина. Готов поспорить, такого характерного паренька многие захотят приобрести, чтобы сломить. Ну, а там, даст Слышащий, мы встретимся вновь.

- Очень на это надеюсь, - разлепив пересохшие губы, отозвался Рэн. – Потому что ты не переживёшь эту встречу.

Дорин громко расхохотался, похлопал мальчика по плечу, заставив скривиться от боли в боку.

- Ты и впрямь забавный. Ну, до утра.

Махнув рукой, купец покинул барак. Рэн зло сплюнул, жалея о том, что не может прямо сейчас выдавить ледяные глаза торговца собственными пальцами.

Вдох, выдох. Пульс слегка замедлился, ярость начала спа-

дать, сменившись усталостью и опустошением. Нельзя поддаваться эмоциям, иначе долго он не проживёт. Конечно, в этом мире жизнь ребёнка и без того не имеет особой ценности, но злость и жажда мести сожгут его дотла, если дать им волю. Нужно сохранять спокойствие и холодную решимость. Рано или поздно, он вырастет, наберётся сил и раздавит каждого, кто посмел уничтожить его деревню. А пока – нужно наблюдать, слушать, смотреть и учиться. Он слишком мало знает об этом мире, и никто не спешит делиться сведениями. Придётся до всего доходить самому.

С наступлением сумерек пленников покормили жидкой похлёбкой, в которой, кроме отвратительно пахнущего бульона Рэн не обнаружил больше ничего. Не ощущая себя даже наполовину сытым, мальчик прислонился спиной к стене барака и попытался уснуть. Но сон не шёл, зато вновь начали одолевать мысли, связанные с завтрашним утром.

К кому он попадёт в рабство? Какой это будет человек? Удастся ли сбежать, или, быть может, его господин или госпожа окажется столь добр, что даст мальчику вольную, через год или два?

Он понимал, что этим делает только хуже, но не мог остановиться. Мысли наползали одна на другую, словно рой пчёл, стремящийся захватить всё предоставленное пространство, не оставляя ни единого свободного пятачка. Как ни пытался Рэн не думать ни о чём, всё равно возвращался к пугающему будущему.

Рядом вдруг кто-то зашевелился. Мальчик открыл глаза и увидел слева от себя Рису, удивлённо моргающую.

- Где я? – прошептала девочка, осматриваясь. – Что произошло?

- Нас схватили, - подал голос Рэн. Риса вздрогнула от неожиданности, взглянула на мальчика.

- Рэн? Где мы? Кто нас поймал?

- Работорговцы.

Он рассказал ей всё, с самого начала, не пытаясь скрыть ни капли правды. Риса слушала внимательно, но с каждым следующим словом на её лице отражалось всё больше и больше отчаяния.

- Что с нами будет? – прошептала девочка, едва Рэн закончил. – Как же мои мама и папа? А Лэнси и Тира? Где они?

- Думаю, все мертвы, - мрачно произнёс Рэн. Риса вскрикнула, зарыдала, спрятав лицо в ладонях.

- Почему это произошло с нами? – забормотала она сквозь всхлипывания. – Чем мы навлекли на себя несчастье?

- Не знаю, - Рэн и впрямь не мог ответить на эти вопросы. Да и откуда ему знать, почему Дорин выбрал именно их деревню? Может, других вариантов у купца не было, но детям убитых селян от этого не легче.

- Нас продадут разным людям, да? – совершенно спокойно вдруг спросила Риса, взглянув прямо на мальчика. Рэн кивнул.

- Скорее всего. Может быть, кому-нибудь повезёт, и их

купят вдвоём, но маловероятно.

Риса вздохнула и прижалась к Рэну, сильно его удивив. Но он ничего не сказал, только сместился чуть в сторону, чтобы ей было удобнее.

- Я не хочу становиться рабыней, - безжизненным тоном заявила Риса. – Меня ведь убьют, если буду плохо выполнять свою работу.

- Возможно, - не стал скрывать Рэн. Кто знает, к каким хозяевам попадёт девочка? Вдруг это окажутся крайне жестокие и беспощадные люди?

- Я не хочу умирать, - прошептала дочь старосты. – Мне нравилось жить в нашей деревне, где были мама и папа, подружки, игры и глупые мальчишки. Почему я должна становиться чьей-то слугой?

- Потому что Дорин так захотел, - скрипнув зубами, процедил Рэн. – Захотел, убил наших родных и повязал нас в рабство. Но мы вырастем, и обязательно воздадим ему по заслугам! Я лично раздавлю его мерзкую рожу.

Риса взглянула мальчику в лицо, покачала головой.

- Не надо. Мы не будем такими, как он. Должен быть другой способ наказать негодяя.

- В этом мире нет иных путей, - с тихим смешком заметил Рэн. Тут любая дорога ведёт к смерти, что бы ты ни предпринял.

- Всё равно, - настаивала она на своём. – Не стремись умереть первым! Ты должен жить и помнить. Помнить о тех, кто

погиб, ушёл навсегда.

- Я буду хранить память о них в своём сердце.

- Я тоже, - Риса попыталась улыбнуться, но вышла лишь странная гримаса. – Прости меня, Рэн.

- За что? – не понял мальчик.

- За то, что издевалась над тобой. Тогда это казалось мне смешным, но теперь я вижу, что это было бессмысленно. Неправильно.

- Забудь, - фыркнул Рэн. – Прошлое для нас потеряно, есть лишь настоящее. И эта ночь, после которой всё изменится.

- Верно, - тихонько шепнула Риса, ткнувшись лицом в разорванную рубаху Рэна. Спустя несколько ударов сердца девочка уже крепко спала.

Рэн улыбнулся, покачал головой. Надо же, кто бы мог подумать, что Риса – гордая надменная Риса – сама извинится перед ним за своё поведение. Впрочем, самым удивительным для него оказалось не это, а очень взрослые рассуждения девочки.

Неужели в этом мире дети так быстро взрослеют? Или пленение и осознание неизбежности повлияло на неё? К сожалению, Рэн мало общался со сверстниками в деревне, предпочитая избегать их общества. Никто не любил мальчика из-за внешности, и он отвечал другим детям тем же. Исключением был Зиф, но тот также отвернулся от товарища после того, как Горк с дружками поставили ультиматум: или

уродец, или они.

Вздохнув, мальчик попытался погрузиться в медитацию. Мысли удалось очистить удивительно просто, но дальше дело не пошло. Ему не удавалось достичь того уровня отрешения от внешнего мира, когда исчезают даже звуки, и ты остаёшься один, наедине с самим собой.

Вдох, выдох. Не поддаваться отчаянию, панике и слабостям. Держаться изо всех сил, цепляться зубами как можно крепче за эту жизнь. Кто знает, есть ли у него шанс обрести посмертие, и переродиться в следующей? Рэн не хотел рисковать.

Вдох, выдох. Состояние медитации ускользает, словно вода сквозь пальцы, а сознание внезапно проваливается в сон.

Самый реалистичный сон из тех, что когда-либо снились Рэну.

Он стоял на широкой безжизненной равнине, где земля, покрытая красноватым песком, была вся потрескавшаяся, словно лопнувший от переспелости фрукт. Даже небеса здесь казались рыжими, будто бы пыль от песка повисла в воздухе.

Рэн вдохнул, и невольно закашлялся: температура в этом месте явно выше, чем в реальности. Обжигающий воздух неприятно тревожил лёгкие, заставлял слезиться глаза. Мальчик осторожно выдохнул, и взглянул в сторону горизонта.

Там виднелись гигантские клубы пыли, красной, неверо-

ятно плотной, словно кто-то невидимый щедро сыпанул песка, да тот и остался висеть в воздухе, разлетевшись на большое расстояние. Сквозь эту завесу не было видно ничего, только тусклые лучи солнца с трудом пробивали себе путь.

Вдруг, налетели порывы ветра, мощного, ожесточенно хлестнувшего по щекам. Рэн охнул, закрыл ладонями нос и рот, чтобы песок и пыль не попали в лёгкие. Почему-то возникло ощущение, что он может пострадать от них здесь, во сне.

Ветер помчался дальше, набросился на зависшие столбы пыли, закрутил их, разметал одним яростным движением, и мальчик тихонько вскрикнул, увидев то, что скрывалось за завесой.

Две гигантские армии схлестнулись друг с другом на бескрайней равнине. Странно, но Рэн мог без каких-либо затруднений разглядеть даже лица сражавшихся. Обыкновенные люди, разве что, чуть более смуглые, чем он сам. Они ожесточенно бились, не жалея сил, крики, звон стали, разрубающей плоть, кости и ткани, вонзился в уши мальчика. Ряды воинов стремительно редели, а количество павших с каждым мгновением увеличивалось всё больше и больше. Даже на глаз можно было заметить, что с обеих сторон сражалось не меньше десятков тысяч человек.

Кровь непрестанно лилась на иссохшую землю, насыщая и обагряя её. Рэн с ужасом отметил, что земля зашевелилась, задрожала, меняя свою форму. Павшие воители впи-

тывались ею, исчезая с поверхности, а пока ещё живые, казалось бы, не замечали происходящего.

Более половины армий уже погибло, а прошло только несколько минут с начала битвы. Мелькали копья, мечи, топоры и молоты, оторванные конечности, пробитые головы, вываленные на песок внутренности…

Рэна затошнило. Спустя ещё десяток ударов сердца упал последний воин, поливая землю своей кровью, и та, зашипев, преобразилась. Трещины постепенно затянулись, проросла трава, быстро захватившая всё свободное пространство. Едва последнее тело впиталось под землю, как кое-где возникли кустарники.

Рэн изумлённо моргнул. Только что безжизненная пустыня превратилась в цветущую плодородную долину.

Как такое вообще возможно? Что это за место? Что за мир, создающий *подобное*?

- Смерть порождает жизнь, жизнь порождает смерть, - раздался вдруг чей-то негромкий голос. Он доносился отовсюду, и, в то же время, говорящий словно находился рядом с Рэном. От его голоса веяло усталостью, но, вместе с тем, силой и мудростью.

- Бесконечный цикл вскоре прервётся, и ничто не остановит Скверну. Этот мир устал от войны, он задыхается от сражений, и жаждет раздавить тех, кто ранит его плоть. Но остался последний бой, исход которого решит: будет ли человек и дальше топтать эти земли, или навеки исчезнет из

памяти мира.

- Кто ты? – крикнул Рэн, испугавшись слов неизвестного. – Что всё это значит?

- Вознёсшимся пора вернуться на престолы, - загадочно изрёк голос. Мир вокруг Рэна задрожал, потёк, словно намокнув под водой, расплылся, превратился в буйство красок – и исчез.

Мальчик резко распахнул глаза, хватая ртом воздух и с трудом пытаясь удержать застрявший в горле крик. Вокруг всё тот же барак, а первые лучи солнца беспощадно пробивают путь сквозь неплотно подогнанные доски.

Рэн ощутил боль, изумлённо взглянул на ладони. С них стекала кровь, впитываясь в земляной пол. Кровь запеклась и под ногтями пальцев. Во сне он неосознанно сжал их в кулак с такой силой, что ранил сам себя. Но не проснулся. Его выдернуло из непонятного видения только тогда, когда неизвестный голос пожелал.

Что всё это значило? И где найти ответы?

Заскрежетал засов. На пороге барака возник улыбающийся Грэм. Рэн ощутил, как противно заныл голодный живот, а сердце бешено заколотилось под ребрами.

Настал час, когда свершится его Судьба. И он мог лишь молиться всем известным богам, чтобы ему повезло.

Иначе всё это окончательно потеряет смысл.

Глава 9 – Хозяин

Грэм развязал веревку, обвязанную вокруг прутьев, пошел вдоль ряда рабов, несильно пиная детей, и покрикивая:

- Поднимайтесь, малышня! Пробил час, пора на торги!

Тать засмеялся собственной шутке, потянул за веревку, заставляя пленников следовать за ним, и направился к выходу. Рэн ободряюще кивнул Рисе, испуганно взглянувшей на мальчика. Он, почему-то, больше не боялся. Страх, сковавший чресла, стоило только увидеть входящего в барак Грэма, исчез, испарился. Осталось лишь осознание, что он не может сделать совершенно ничего, чтобы исправить ситуацию, и остаётся уповать на Судьбу, и верить. Верить в то, что всё это не случайно. Что в этом есть некий божественный промысел.

Оказавшись снаружи, на улице, мальчик невольно сощурился, когда яркое солнце ударило по глазам, вызвав слёзы и резь – всё же в бараке было довольно темно, и зрение привыкло к этому угнетающему полумраку. Теперь приходилось моргать, пытаясь приноровиться к свету городской площади.

Едва резь прошла, как Рэн увидел толпы собравшихся, занявших всё свободное пространство перед прилавками, сегодня совершенно пустыми, вокруг свежесобранного помоста. На нём уже поджидал Дорин, опершись о столб и довольно улыбаясь.

Грэм потянул пленников за собой, недовольно что-то ворча под нос. Другие подручные купца шагали по бокам, разгоняя толпу, если та слишком сильно давила на ребят: многим хотелось рассмотреть товар поближе.

Рэн почувствовал невероятное *отвращение* к собравшимся. Неужели им приятно видеть, как из детей делают рабов? Может, у этих людей совершенно нет чести? Совести? Малейшего понятия справедливости?

Мальчик стиснул зубы. Кого он пытается обмануть? Конечно, им всем плевать и на него, и на остальных шестерых ребят. Для этих зрителей и возможных покупателей есть лишь развлечение, которое они видят в забитых несчастных сиротах. Скорее всего, многие испытывают абсолютное равнодушие, несмотря на то, что у самих дома дети. Они не поймут страдания тех, кто потерял всё, пока сами не окажутся в схожей ситуации. Но будет поздно.

Грэм вывел пленников на помост, выстроил в линию, тычками заставляя встать ровно. Рэн отметил, что некоторые из детей пробудились от ужасного состояния, в котором пробыли эти дни. Но теперь-то уже поздно.

Не в силах глядеть на бывших соседей, мальчик бросил взгляд на толпу. И не поверил своим глазам.

Он мог бы понять интерес, любопытство местных жителей, даже насмешку или некую злобу. Готов был смириться с издевкой или отвращением. Но то, что увидел Рэн – всего лишь *равнодушие*.

Демоны, он оказался прав! Им и впрямь глубоко плевать на судьбы этих детей, и их прошлое. Видя скучающие взгляды и лица, мальчик ощутил, как дрогнуло сердце, впуская страх. Страх не от того, что может случиться, а от осознания собственной *ненужности* этому миру. Он лишь песчинка, бабочка-однодневка, исчезни которая – и никто даже не вспомнит о её существовании. Будто и не было никогда.

- Дамы и господа! – громкий голос Дорина вывел Рэна из ступора, заставил страх забиться глубже, отступить, на какое-то время. – Разрешите мне поприветствовать славных жителей великолепного города Эзира! Я много раз бывал здесь, в этом замечательном месте, и всегда удивлялся тому, какие благородные и отзывчивые люди живут в Эзире.

Рэн невольно фыркнул, по-прежнему разглядывая отрешенные лица «отзывчивых людей». Если это благородство, то кто же тогда, по мнению Дорина, самый невежественный нищий?

Однако, на зрителей льстивая речь возымела воздействие. Горожане переглянулись, самодовольно заулыбались, закивали, словно призывая торговца продолжить. И тот не заставил себя долго ждать.

- И сегодня мы собрались на этой площади, дабы увидеть невероятно перспективный товар. Взгляните сюда, эти дети ещё так молоды и невинны, они потеряли своих близких, но готовы служить вам верой и правдой, если вы купите их. Только представьте: слуга, которого вы сами сможете воспи-

тать и приучить с детских лет! Безгранично преданный и готовый на всё ради вас. Разве это не идеал?

- Идеально было бы вбить тебе эти слова в твою поганую глотку, - прошипел Рэн. Риса бросила на мальчика быстрый испуганный взгляд.

- Лучше молчи, - прошептала она. – Вдруг они убьют тебя?

Рэн покосился на Грэма, стоявшего поодаль. Тать, казалось, совершенно расслабленно глядел по сторонам, но мальчик отметил ладонь разбойника, лежащую на рукояти клинка. Похоже, попробуй они что-нибудь сделать, и Грэм мигом убьёт их. Или, как минимум, покалечит.

Толпа, вдохновлённая словами Дорина, загомонила, начала переговариваться.

- Сколько за каждого? – крикнул кто-то. Купец широко улыбнулся.

- Всего по семь медяков. Это начальная цена. Если на один товар есть несколько желающих, мы начинаем торг, до тех пор, пока раб не достаётся самому стойкому.

Собравшиеся зашумели. Похоже, цена, названная Дорином, оказалась довольно высокой для жителей Эзира, но никто не уходил. Всем было интересно, кто сделает первый шаг.

- Я бы взял вон того мальчишку, с кудрями, - лениво поднял руку молодой человек лет двадцати с небольшим, одетый в богато украшенную вязью рубашку, поверх которой надёжно устроился облегающий жакет. Мужчина носил утончённые усы и показался Рэну довольно неприятной лич-

ностью, хотя мальчик затруднялся ответить, почему.

- Семь серебряных, молодой господин! – весело выкрикнул Дорин. – Кто ещё хочет кудрявого мальчика? Только взгляните, какой он милый, изящный. При должном уходе вы сможете получить очень красивого юношу, которого выгодно продадите, выручив намного больше!

- Даю девять, - отозвался мужчина средних лет, слегка полный, но вполне ещё крепкий. Франт в жакете окинул его презрительным взглядом, сморщил нос.

- Десять! – воскликнул он. Дорин улыбался.

- Двенадцать, - мужчина не отступал. Молодой человек возмущённо фыркнул, но не стал сдаваться просто так.

- Даю двадцать серебряных, и мы заканчиваем этот фарс.

Торговец тихонько рассмеялся, глядя, как оппонент молодого пижона качает головой и отступает, смешиваясь с толпой.

- Продано юноше за двадцать серебряных монет! – провозгласил Дорин. – Подойдите, пожалуйста, сюда.

Франт неспешно забрался на помост, подписал пергамент-купчую, а в это время один из подручных Дорина вытащил прут из разогретой жаровни. Рэн не заметил её вначале, но теперь, после первой покупки, до мальчика дошло, для чего это нужно.

Кудрявого ребёнка, которого звали Лен, отвязали от общей линии и подвели к новому хозяину. Двое татей подошли, один схватил мальчика, не давая дёрнуться, другой

задрал рукав рубахи. Прижигатель приблизился, казалось бы, легонько коснулся концом прута, изображённым в виде слившихся воедино рун, смысл которых для Рэна оставался загадкой, предплечья мальчика. Лен завизжал от боли, затрепыхался, пытаясь вырваться, но разбойники ещё не закончили. Один из них принёс надёжный на вид ошейник из грубой необработанной кожи, и нацепил на раба.

- Приятного владения, - пожелал молодому человеку Дорин. Тот чопорно кивнул, ухватился за широкое стальное кольцо, продетое в ошейник сзади, и направил Лена прямо. Вскоре оба скрылись с глаз.

- Тем временем, у нас ещё целых шесть отличных образцов, - напомнил торговец. – Кто желает выбрать следующего?

Дальнейшие торги превратились для Рэна в мучение, связанное с азартом в глазах покупателей, воплями клеймёных детей и отвратительным запахом паленой плоти. Все, получившие клеймо раба, превращались в безвольных и ослабленных, едва передвигающих ноги. Может, потому, что они сами по себе не были сильными детьми, может, по иной причине. Однако, Рэну не хотелось становиться следующим. И не хотелось терять Рису.

В конце концов, он и девочка остались вдвоём. Риса испуганно задрожала под взглядами зрителей, некоторые из которых явно указывали на не самые естественные намерения, в страхе прижалась к мальчику.

Раздались невольные смешки, по рядам пошёл шепот, наблюдателей стало ещё больше.

- Похоже, этот товар продаётся только парным, - пошутил Дорин. Зрители засмеялись, оценив юмор торговца, но Рэн готов был впиться зубами в наглую морду купца.

- Кто желает взять обоих? – задал вопрос Дорин. Воцарилась тишина. Горожане переглядывались, но никто не решался поднять руку и назвать цену. Кажется, никому не нужны были два раба.

Рэн приободрился. Может быть, их с Рисой не продадут сегодня? Может, удастся избежать этой участи? Плевать, если снова придётся ночевать в продуваемом ветром бараке, он готов пойти на это. Заодно, возможно, появится шанс улизнуть от Дорина. Неясно как, но он что-нибудь придумает.

Среди толпы вверх взметнулась одна рука, заставив едва пробившиеся сквозь туман надежды Рэна рухнуть осколками.

- Даю тридцать серебряных за обоих, - негромко произнёс сухопарый мужчина явно старше пятидесяти лет. Одет он был в крепко запахнутый плащ, и обладал спокойным, почти равнодушным лицом, на котором выделялись серо-голубые глаза. Острые льдинки прошлись по Рэну и Рисе, остановившись на купце.

Дорин отчего-то занервничал, утер пот со лба, переглянулся с Грэмом.

- Кто-нибудь ещё желает поучаствовать в торге?

Собравшиеся молчали. Рэну это показалось очень странным. Неужели ни у кого нет столько денег? Или они почему-то боятся старика?

Выждав минуту, Дорин махнул рукой.

- Продано славному господину за тридцать монет. Можете забрать своих рабов.

Мужчина медленно подошёл к помосту, поднялся, не глядя поставил подпись. Рэн с ужасом глядел, как прижигатель подходит к Рисе, а двое татей хватают девочку, сковывая движения.

Крик Рисы раскалённой иглой вонзился в уши, ударил в самое сердце, заставив пошатнуться. Рэна будто оглушило, мальчик сделал глубокий вдох, но дыхание перехватило, перед глазами замелькали разноцветные пятна.

Он даже не почувствовал, как его тоже схватили, прижгли ярко сияющим клеймом. Лишь вонь собственной поджаренной плоти привела Рэна в чувство, сбросила оцепенение. Ощутив острую боль, мальчик зашипел, но бросился к Рисе, на которой уже виднелся ошейник.

- Куда! – со смехом остановил его один из разбойников. Рэн замер, дожидаясь, пока кожаная полоска защёлкнется на шее, затем схватил Рису за руку.

- Как ты? – прошептал на ухо. Девочка шумно выдохнула.

- Очень больно. И голова кружится. Но я буду в порядке.

- Держись, мы справимся. Мы вместе, - подбодрил её Рэн.

Риса через силу улыбнулась.

Из толпы вынырнул мужчина средних лет, взял детей за кольца на ошейниках, повёл вслед за стариком.

- Меня зовут Яррэ, я слуга вашего нового хозяина, - представился он. – Как ваши имена?

- Я Рэн, а это Риса, - ответил за двоих мальчик. Яррэ качнул головой.

- Мы в Эзире проездом, так что сегодня вечером отправимся обратно в имение господина. Но, будьте уверены: вы в хороших руках. Господин всегда действует благородно, заботится о несчастных и, уж тем более, рад помочь детям.

Рэн недоверчиво покосился на старика, неспешно шагающего впереди, но смолчал. Ему слабо верилось в доброжелательность этого господина, особенно после всего, что мальчик уже видел в этом мире. С другой стороны, что, если здесь и впрямь есть добрые люди? Те, кто готов не только убивать, но и помогать?

В любом случае, у них больше нет выбора, теперь они собственность старика. И обязаны следовать всем его приказам.

Они покинули площадь и оказались на оживлённой улице. Рэн принялся с любопытством оглядываться. Несмотря на пленение и незавидную участь раба, мальчик впервые оказался в городе этого мира, и ему было крайне интересно всё, что происходит вокруг. Кто знает, может, удастся найти помощь?

Клеймо на предплечье противно ныло, причиняя боль,

стоило лишь подвигать рукой. Риса выглядела слишком уж молчаливой, и Рэн держался поближе к девочке, вдруг той станет плохо, и она потеряет сознание.

Местные улицы не представляли собой слишком широкое пространство между домами, скорее, наоборот: они были узковатыми, дающими возможность проехать только одной телеге, и то, для пешеходов остаётся довольно мало места. Сами городские дома выглядели не выше двух, от силы, трёх этажей, однотипные, в виде квадратных коробок с покатыми крышами, огороженных крошечными садами. Впрочем, горожане казались довольными своей жизнью, по крайней мере, те, кто попадался на пути Рэна, много улыбались и громко переговаривались между собой.

- Куда мы идём? – спросил мальчик у Яррэ. Слуга мягко улыбнулся, глядя на неторопливо вышагивающего впереди господина.

- В здешний домик хозяина. Вам нужно привести себя в порядок и поесть, а затем мы отправимся в путь.

Рэн задумчиво кивнул. От еды ни он, ни Риса не отказались бы. Те объедки, которыми кормили работорговцы, ничуть не насыщали, скорее, дразнили аппетит, вновь оставляя голодным. И мальчик отдал бы всё, что угодно, ради тарелки с нормальным горячим блюдом. Теперь, после слов Яррэ, эта мечта стала чуть ближе.

Улица вскоре плавно перетекла в перекресток, от которого шли три дороги, четыре, если считать и ту, на которой они

стояли. Впрочем, старик не раздумывал ни мгновения, сразу же повернув налево. Трое слуг последовали за ним.

Здесь улочка становилась ещё уже, немного поднимаясь в гору. Кажется, Эзир построен частично на холме, и это неплохое место, особенно в мире бесконечной войны. Да и суть узких улиц стала для Рэна чуть более понятной: их можно использовать как стратегическое преимущество при обороне города. Особенно, если между домами разместить деревянные настилы, откуда весьма удобно обстреливать врага. В этом плане Эзир был почти крепостью.

Миновав ещё несколько похожих друг на друга домов, господин подошёл к их явному собрату, толкнул небольшую калитку в плетёном заборе и шагнул во двор. Правда, двором это казалось лишь со стороны улицы. Оказавшись внутри, Рэн понял, что здесь слишком мало места для сада: расстояние в пять-семь шагов между забором и стеной дома не оставляло особых возможностей для рассадки деревьев или кустарников. Зато там росли цветы, изрядно заросшие сорняками.

Старик прошёл по вытоптанной дорожке к крыльцу, поднялся и вставил потёртый старый ключ в замочную скважину. Раздался двойной щелчок, после чего господин распахнул дверь.

- Вот мы и дома, - сказал Яррэ, довольно улыбаясь. – Господин, вам что-нибудь нужно?

- Нет. Позаботься лучше о детях, - спокойно отозвался

старик. – Им следовало бы переодеться. Думаю, в гардеробной найдутся вещи, которые подойдут этим малышам. После, возьми на себя труд накормить их, а затем приведи ко мне. Нам многое нужно обсудить.

Слуга послушно поклонился. Рэн и Риса не знали, как себя вести, потому просто принялись осматриваться по сторонам, пока старик направился налево, в коридор.

Дом был очень стар. Если судить по состоянию стен, отделки и мебели, можно с уверенностью сказать, что жилищу старика не одна сотня лет. Причем здесь явно не уделяли внимание ремонту, занимаясь лишь уборкой. Обшарпанные стены наводили тоску, но резные подсвечники вызывали удивление и восхищение, как и созданная из дерева фигура медведя, стоявшая в холле, напротив входа. Слева от неё на второй этаж вела лестница, сбоку которой виднелась дверь, по-видимому, в подвальные помещения. Справа от медведя шёл коридор, по которому Яррэ и повёл детей.

- У нас здесь есть ванная комната, - объяснил он им. – Господин приобрёл специальную формацию, способную нагревать холодную воду. Мы с Рэном принесём её побольше, во дворе есть емкость. А потом я хорошенько вас отмою, а то, сдаётся мне, вы здорово извалялись в грязи и не только, прежде чем попали на торг.

Улыбка, возникшая в уголках глаз и губ Яррэ, вызвала необъяснимую радость в душе Рэна. Он понимал, что нельзя так сразу доверять незнакомцам, к тому же, купившим

их в качестве рабов, но ему очень хотелось, чтобы старик и его слуга оказались действительно добрыми и благородными людьми.

Коридор был просторным и довольно длинным, пару раз взгляд цеплялся за двери, ведущие в другие помещения дома. Яррэ, впрочем, не задерживался нигде, пока они не добрались до конца, уткнувшись в такую же дверь.

Слуга потянул за ручку, впуская детей в большую и светлую комнату, почти по центру которой находилась объемная бадья, с расчерченным под ней странно выпуклым рисунком. Нет, скорее, узором. В стене напротив входа имелось небольшое оконце, почти под потолком, но сквозь него не смог бы пролезть даже маленький ребёнок.

Стены ванной комнаты оказались отделаны каким-то гладким материалом, вроде камня, но ни капли не шершавого, и немного теплого на ощупь. Возле стены, позади бадьи, стояла лавка, где можно было сложить вещи.

- Риса, ты пока посиди здесь, а мы с Рэном принесём воды. Хватай вон те два ведра! – приказал Яррэ, ткнув пальцем в угол. Там и впрямь были составлены вёдра, из которых и мальчик, и слуга взяли по два.

- Придётся немного поработать, - подмигнул мужчина Рэну. Тот хмыкнул, начиная привыкать к смене обстановки. Похоже, здесь ни ему, ни Рисе не угрожает серьезная опасность. Конечно, рано делать окончательные выводы, но пока что старик и Яррэ кажутся вполне хорошими людьми.

Рэн начал думать, что им, в каком-то смысле, повезло.

Глава 10 – Обман

Взяв вёдра, мальчик и слуга покинули комнату, направившись в обратный путь по коридору.

- А здесь нет краткой дороги во двор? – полюбопытствовал Рэн. Яррэ усмехнулся.

- Краткой – нет, но мы сможем сократить путь, если сейчас выйдем через вот эту дверь.

Он остановился перед ближайшей дверью, неприметной, в небольшой нише в стене коридора. Отцепив от пояса связку ключей, Яррэ выбрал один из нескольких и вставил в замочную скважину. Ключ очень легко повернулся, из-за чего Рэн сделал вывод, что дверью часто пользуются. Ну, или слуги хорошо следят за домом. Если, конечно, кроме Яррэ тут ещё есть таковые.

Следуя логике, должны быть. Кто-то ведь готовит пищу для господина? Невозможно поверить, чтобы не слишком крепкий мужчина с худым вытянутым лицом и крючковатым носом делал всё сам. Вряд ли Яррэ способен лично убрать весь дом, наколоть дров и, в довесок, следить за садом.

Дверь вывела их на задний двор, и места здесь, к удивлению Рэна, оказалось гораздо больше, чем с лицевой стороны. По меньшей мере, широкая, примерно в полтора обхвата взрослого человека, круглая емкость и небольшой сарай помещались на пятачке земли у забора.

Подойдя к бочке, Рэн с любопытством заглянул в неё. Воды там было чуть выше половины, на поверхности плавал одинокий лист, сорвавшийся, вероятно, с ближайшего дерева за забором.

- А кто воду наливает? – спросил мальчик, с прищуром, из-за бьющего в глаза солнца, взглянув на Яррэ.

- Господин нанимает местных водоносов, - пояснил слуга. – Видишь ли, он против того, чтобы я выполнял столь трудную работу, поэтому предпочитает тратить деньги, оставляя меня при своём.

- Очень щедро, - оценил Рэн. Он не мог понять, почему вдруг испытывает доверие к этому взрослому и старику-хозяину. Возможно, сказались события последних дней, когда мальчику пришлось подчиняться разбойникам, а может, внутреннее чутьё подсказывало таким образом, что им можно верить. Пока трудно решить наверняка, но стойкой неприязни он точно не испытывал.

- Таков господин, - коротко рассмеялся Яррэ. – Ладно, поставь пока свои вёдра, давай, сначала я наберу эти два.

Он опустил первое ведро в емкость, наполнил водой, повторил то же самое со вторым. Затем, без особого труда поставив полные вёдра на землю, Яррэ взялся за пустые. Вся работа не заняла много времени, и вскоре оба шли обратно, чтобы вылить воду и вернуться снова сюда.

Рэн глядел на курчавые волосы Яррэ, слегка беспорядочно уложенные на голове, и пытался ощутить хоть каплю опас-

ности или враждебности, исходящую от него. Не получалось. Слуга действительно был спокоен, открыт и вежлив, как и положено отлично вымуштрованному помощнику господина. Возможно, он не был доволен приобретениями старика, но никак это не показывал, проявляя доброжелательность по отношению и к Рэну, и к Рисе.

Это не могло не подкупать.

Им не потребовалось и пяти минут, чтобы добраться до ванной комнаты и вылить воду в бадью. Риса дремала, сидя на лавке и прислонившись спиной к стене.

- Похоже, вам пришлось нелегко, - негромко произнёс Яррэ, глядя на девочку. Рэн кивнул.

- Удивительно, что она вообще пришла в себя, - сказал мальчик. – Остальные, кажется, так и не смогли выбраться из странного состояния.

- Что ты имеешь в виду? – заинтересовался слуга.

- После пережитого в деревне ужаса, когда они видели смерть близких, похоже, ребята перестали реагировать на окружающее, уйдя в себя. Мне кажется, страх и ужас убили их разум.

Яррэ вздохнул, хватая пустые вёдра и разворачиваясь. Бадья наполнилась лишь на треть.

- Такое случается, - заговорил мужчина, когда они вышли в коридор. – Если испытания оказываются непосильными для человека, он пытается защититься от мира, и прячется в своего рода скорлупу, в надежде, что никто не сумеет его

оттуда достать. Зачастую, такие люди никогда не возвращаются в исходное состояние. Интересно, почему Риса смогла.

- Она сильная, - ответил Рэн. – Сильнее многих, кого я знал.

И это была искренняя правда. Даже Аррид не стал бы спорить, ведь девочка вырвалась из лап сумрака, способного сломить и взрослого человека, не говоря уж о ребёнке восьми лет. В какой-то степени, Рэн восхищался ею, и совсем позабыл про те моменты прошлого, когда они враждовали. Всё это стало таким незначительным, глупым и бессмысленным теперь, после всех событий и потерь, что мальчик не мог испытывать неприязнь к единственной знакомой душе. И он готов был защитить Рису любой ценой.

- Хорошо, - откликнулся Яррэ. – А ты? Себя ты сильным не считаешь?

- Нет, - Рэн не задумался ни на миг. Карие глаза слуги задумчиво окинули его внимательным взглядом.

- Почему, позволь спросить?

- Будь я сильным, то ничего этого бы не произошло, - негромко сказал мальчик, с силой сжав ручки вёдер.

- Думаешь, ты смог бы помешать тем людям на площади захватить тебя в рабство?

- Не только, - Рэн покачал головой. – Я бы убил их всех ещё там, в деревне, не дав и пальцем тронуть никого из жителей. А потом я отрезал бы их головы и поставил вдоль дороги на шестах, чтобы все видели и боялись.

Яррэ вздохнул.

- Это лишь слова, Рэн. Ты ребёнок, а дети не могут убить взрослого, хорошо вооруженного воина. Я понимаю, откуда в тебе такая жестокость, но, прошу, перестань думать о мести, иначе станешь одним из тех, кто покинул своё тело, оставив пустую оболочку.

Он был прав, и Рэн прекрасно это понимал, но не мог так быстро смириться со всем. Нет, ненависть всё ещё нужна ему, чтобы двигаться дальше, чтобы не превратиться в смирного кролика, неспособного даже оторвать взгляд от земли. Однажды он станет воином, попытается занять место сильнейшего воителя этого мира, но нескоро.

- Я постараюсь, - ответил мальчик, чтобы не обижать Яррэ, терпеливо ждавшего, что же он скажет. Мужчина кивнул, принимая ответ, но Рэн заметил, что в глазах слуги виднелось недоверие.

Похоже, с этим человеком следует быть осторожным. Он гораздо умнее и опытнее, чем может показаться. У Яррэ есть, чему поучиться.

Минут через пятнадцать они натаскали нужное количество воды, после чего слуга наклонился, аккуратно коснулся кончиками пальцев края узора на полу. Неровные, ломанные линии тускло засияли синим. Раздалось тихое гудение, сравнимое, разве что, с звуками, которые издаёт шмель или другое надоедливое насекомое.

- Что это? – полюбопытствовал Рэн, наклонившись, чтобы

рассмотреть получше.

- Осторожно, не коснись края, - предупредил Яррэ, выпрямляясь. – Это формация огня, довольно слабенькая, но предназначенная как раз для нагревания воды.

- А бадья от этого не повредится?

- Нет, она укреплена с помощью зачарования, - усмехнулся слуга. – Через несколько минут вода нагреется достаточно, и я отменю действие формации.

- Выходит, ты маг? – Рэн покосился на Яррэ. Тот пожал плечами.

- Сомневаюсь. Магия покинула этот мир, остались лишь жалкие крохи, наследие людей, живших задолго до нас. Зачарование и формации – одно из них, и оно не требует явных магических талантов от того, кто активирует.

- Интересно, - протянул мальчик, задумчиво разглядывая узор. Линии казались хаотичными, но лишь на первый взгляд. Приглядевшись, можно было различить в них строгую систему, достаточно симметричную, чтобы навести на мысль о чёткой структуре формации и некоем отдельном языке, с помощью которого, в перспективе, осуществимо использование других подобных заклятий.

Впрочем, вряд ли кто-то здесь является знатоком древнего языка непонятных иероглифов, так что эту мысль стоит отложить до лучших времен. Когда он окажется достаточно *свободен*, чтобы заняться исследованиями.

Через несколько минут вода слегка забурлила, от бадьи

пошёл пар. Рэн приблизился к Рисе, тихонько коснулся плеча девочки. Риса вздрогнула и открыла глаза. В первый момент она растеряно заморгала, не понимая, где находится, потом вспомнила, смущённо покраснела.

- Простите, кажется, я уснула.

- Ничего страшного, ты не пропустила никаких событий, не считая нагрева воды, - рассмеялся Яррэ. – Раздевайтесь, буду вас мыть, а то, по моему скромному мнению, запах от вашей разодранной одёжки слышен за пару миль.

Рэн покосился на ещё более смутившуюся Рису, аккуратно, стараясь не потревожить все ещё больной бок, стянул с себя рубаху. Или, скорее, то, что некогда ей было, но, перенеся различные испытания, превратилось в обноски.

Видя, что Рэн начал раздеваться, Риса, похоже, переборола смущение и тоже принялась стаскивать с себя одежду. Яррэ в этот момент глядел на перевязанный бок мальчика.

- Что с тобой? – взгляд слуги посерьёзнел.

- Тот купец сломал мне несколько рёбер, ещё в деревне, - отозвался Рэн, снимая штаны. – Сомневаюсь, что они зажили, но двигаться не мешают.

- Тебе следовало сказать об этом раньше, - упрекнул его Яррэ, видимо, вспомнив, как они вместе носили воду. – Я сообщу господину, он вызовет лекаря, иначе, ты можешь остаться калекой, если кости срастутся неровно.

- Благодарю, - Рэн поклонился.

- Не стоит. Залазь сюда, места в этой посудине хватит для

вас обоих, - хмыкнул мужчина, трогая ладонью воду. – Горячая, в самый раз. Не бойся, она не кусается.

Мальчик фыркнул, залез в бадью, снова поразившись её размерам. Обычно бадья представляла собой сосуд чуть больше ведра, но эта являлась намного более широкой и объёмной, явно предназначенной для купания. В деревне таких не было.

Яррэ подошёл к небольшой полке, взял какой-то продолговатый предмет, размером с половину ладони.

- Это опасно? – забеспокоился Рэн, переглядываясь с забирающейся в бадью Рисой. Он не первый раз видел обнажённую девочку, но, почему-то, сейчас испытал смущение. Хоть и был уверен, что для романтических чувств не время и не место, да и к Рисе испытывает лишь желание защитить её от невзгод, не более.

- Это мыло, - рассмеялся слуга. – Чтобы, как следует, отскрести с вас грязь.

Засучив рукава, Яррэ переложил мыло в правую руку, в левую взял нечто шершавое, напоминающее кусок ткани с торчащими лохмами.

- Мочалка, - пояснил мужчина. – Ну, теперь держитесь.

Купание заняло довольно много времени, учитывая, сколько дней мальчик и девочка не имели возможности даже умыться. Зато, стоило им вылезти из изрядно потемневшей воды, как Яррэ цокнул языком.

- Совсем другой вид. Посидите пока здесь, я принесу вам

новые вещи. На старую одежду можете даже не смотреть, её я сожгу.

Рэн покосился на рубаху и штаны, ради которых им с матерью пришлось сильно постараться, причём, не так давно. Если быть честным, эти вещи остались единственным, что всё ещё связывало его с домом. С тем местом, куда больше не вернуться.

Яррэ отсутствовал недолго, и, вернувшись, одел детей в чистое. Рэну достались мягкие тёмно-серые штаны из плотной ткани, и светлая рубаха, которая, он был уверен, быстро станет грязной.

Риса оказалась в лёгком зелёном платьице, простого покроя, но хорошо севшем на девочке.

- Полагаю, теперь вы оба готовы встретиться с господином, - улыбнулся Яррэ. – Если вы не против, мы сначала поговорим с ним, а потом уже все вместе отужинаем.

- Хорошо, - кивнул Рэн. Ему хотелось составить более полное мнение о старике. Каков он? Действительно ли добрый? Яррэ хорошо отзывается о хозяине, но теперь мальчик не мог верить на слово никому. После предательства Дорина он уяснил, что полагаться можно лишь на свои ощущения и впечатления. Только увидев старика самостоятельно, Рэн сделает вывод.

Мужчина вывел их из ванной комнаты, повёл всё тем же коридором в сторону холла. Миновав вход, они свернули в левый коридор, и, пройдя с десяток шагов, оказались перед

лестницей, ведущей вниз.

- Подвал? – удивился Рэн.

- Да, - кивнул Яррэ. – Господин предпочитает работать именно там.

Они спустились по ступенькам, попав в достаточно тёмное помещение, освещаемое лишь светом металлических жаровен на стенах. В этих жаровнях была специальная вставка сверху, куда насыпались маленькие ветки и поджигались. Такие факелы показались Рэну интересным решением. Но после он обратил внимание на убранство подвала.

На полу лежал потрёпанный временем ковёр с выцветшим узором. Вдоль стен стояли длинные шкафы с книгами и различными сосудами, в которых находились разнообразные вещи. Некоторые из них напоминали части тел животных, другие походили на что-то металлическое, только выполненное из какого-то иного материала.

- Лаборатория, - сказал Яррэ, прогнав оцепенение Рэна. – Интересно?

- Никогда не видел ничего похожего, - ответил мальчик. Взгляд плавно выхватил из полумрака массивный стол, за которым стояло украшенное резьбой кресло. На столе были разбросаны бумаги, но самого хозяина рабочего места не видно.

- Господин Узеф исследует различные исторические находки, в этом, кстати, главная причина, почему мы много путешествуем. Также он изучает магию, надеясь однажды на-

писать о ней трактат.

- Пожалуй, я сам о себе поведаю ребятам, - старик появился сбоку, словно выплыл из темноты, улыбающийся, в тёмной рубахе и с повязанным спереди фартуком.

- Господин, - Яррэ поклонился. Рэн и Риса неловко повторили его движение. Узеф подошёл к столу, сел в кресло, поправил неровно лежавшие листы бумаги.

- Я рад, что вы заговорили с Яррэ, - начал он. – Моему слуге крайне одиноко, потому как я – не самый приятный и многословный собеседник. Так что, надеюсь, вы сможете найти общий язык и подружиться.

- Мы постараемся, господин, - отозвался Рэн, видя, что старик ждёт ответ. Узеф кивнул.

- Хорошо. Расскажите-ка мне, откуда вы, и как оказались в рабстве у того купца.

Риса взглядом спросила у Рэна разрешения, негромко начала рассказ. Поведала о том, как они жили в деревне, ни о чем не думая и не опасаясь нападения разбойников. Затем перешла к приезду Дорина и последующим событиям.

Узеф слушал молча, не перебивая, глаза-льдинки внимательно глядели на девочку. Рэн сидел, как на иголках, ощущая какую-то глухую тревогу. Словно от старика исходила опасность, но понять её мальчик не мог. Только где-то глубоко внутри грыз червячок сомнений. Не может человек, купивший рабов, быть таким добрым и открытым. Что-то здесь не так, даже не смотря на замечательного Яррэ. Рэн не мог

поверить в то, что поведение хозяина и слуги является полностью искренним. Возможно, его и Рису просто водят за нос?

- Рэн, подтверди, - потребовала вдруг девочка. Рэн вздрогнул, поняв, что не слушал последние несколько минут.

- Что?

- Мой рассказ, - недовольно нахмурилась Риса. Мальчик кивнул, не отводя взгляда от старика.

Узеф усмехнулся. Серо-голубые глаза ярко сверкнули.

Он невероятно опасен, понял вдруг Рэн. И осознал. Для чего их купили, привели сюда, отмыли и доставили в подвал, в лабораторию старика.

- Риса! – крикнул мальчик. Но не успел: Узеф взмахнул рукой, в которой откуда-то взялся небольшой металлический предмет – похожий на нож, вот только где он его прятал? – и швырнул его в девочку. Одним точным движением скальпель, или нечто схожее, вонзилось в горло Рисе. Девочка схватилась за предмет, одновременно падая на пол. Рэн бросился к ней, ударившись коленями.

Взгляд Рисы выражал искреннее изумление. И страх. Она не хотела умирать, но ничего нельзя поделать: девочка захлебывалась кровью, ею же заливая пол. Рэн попытался было вытащить скальпель, но понял, что это не спасёт Рису. Даже если он зажмёт рану руками, девочка умрёт.

Он ничем не сможет ей помочь, остаётся лишь наблюдать за агонией.

Риса вздрогнула – и замерла, уставившись широко открытыми глазами в потолок. Рэн всхлипнул, чувствуя, как внутри окончательно обрывается всё, что поддерживало в нём волю и человечность. Закрыв глаза мёртвой девочки рукой, Рэн повернулся к Узефу. Взгляд мальчика пылал яростью.

- Ублюдок! – прошипел Рэн, бросаясь на старика. Яррэ попытался схватить мальчика, но тот лягнул ногой, попав слуге под колено. Охнув от боли, мужчина отшатнулся. Узеф же плавным движением поднялся, вышел из-за стола, спокойно ожидая Рэна.

Мальчик замахнулся, понимая, что вряд ли сумеет ударить господина, но мечтая об этом, надеясь добраться, впиться ногтями, зубами, разрывая плоть.

Узеф со смешком отшвырнул Рэна прочь, даже не особо напрягаясь. Мальчик отлетел в сторону, заскользив на луже крови, натёкшей под телом Рисы, и упав на пол. Тотчас, снизу, под Рэном, вспыхнула формация, узор которой сильно отличался от формации в ванной комнате.

Рэн попытался подняться, но перед глазами всё плыло, будто его крепко приложили по голове, а мысли никак не могли собраться в связки, расползаясь.

Что происходит? Неужели этот узор так на него повлиял? Нельзя рассиживаться, нужно прикончить старика! Как он посмел обмануть их – детей, и без того потерявших всё. Для чего убил Рису? И что хочет сделать с ним?

Чьи-то крепкие руки обхватили Рэна сзади, содрали ру-

баху. Грубо толкнули вперёд, прижали к полу. Мальчик испугался, внутри всё похолодело. Неужто они хотят..?

Что-то острое вонзилось в спину Рэна, направилось сверху-вниз, затем в сторону, снова обратно, и дальше, вырезая странный искореженный узор. Очередная формация?

Боли не было, будто кто-то разрушил все ощущения, превратив мальчика в безвольную куклу. Он лишь чувствовал, как нож – или скальпель – водили по спине, расчерчивая линии, круги и треугольники, и мечтал умереть, избавиться от пустоты, расползающейся внутри.

- Готово, - голос старика донёсся словно издалека. В ушах шумело, какой-то мерный стук набатом отдавался в голове. Лишь спустя некоторое время Рэн понял, что это стучало его собственное сердце.

- Хорошая работа, господин, - Яррэ, подлый демонов выкидыш! – Теперь он не сможет причинить вам вреда. И вообще ничего не сможет без вашего приказа.

- Славно, - в голосе Узефа послышалось удовлетворение. – Оставим его здесь, формация быстро заживит раны, даже те, что были нанесены до этого. Вернёмся с утра, полагаю, нам будет, о чем поговорить.

Руки отпустили Рэна, раздались удаляющиеся шаги. Мальчик лежал, слабо ощущая под собой ледяной пол, и стекающие струйки крови на спине. Было лишь одно, что он чувствовал крайне отчётливо.

Голодную бездну, распахивающую свою беззубую пасть

глубоко внутри. И, похоже, от неё нельзя спастись.

Глава 11 – Оправдание

Прежде, чем тьма расступилась перед ним, Рэн ощутил невыносимую боль. Тело казалось слишком разбитым, словно некто растоптал каждую косточку, а затем бросил мальчика умирать. Но больше всего саднила душа.

- Риса… - прошептал Рэн, и сам ужаснулся тому, насколько хрипло и безжизненно прозвучал голос. Стоило прислушаться к себе, как мальчик понял, что раны затянулись, осталась лишь усталость, настолько тяжёлая, массивным грузом легшая на плечи, что хотелось спрятаться, укрыться от неё.

Сердце противно ныло, разъедая душу.

Риса.

Рэн не думал, что потеря девочки окажется такой колоссальной. Не представлял, что настолько привяжется к единственному знакомому человеку в огромном неизведанном мире. Они были вместе, готовые поддержать друг друга, поделиться всем, плечом к плечу. Яррэ отнёсся дружелюбно к обоим детям, и Рэн ослабил бдительность. Доверился подлому слуге и его хозяину. И лишился частицы себя.

Если бы только он был сильнее и быстрее, то смог бы остановить Узефа, прервать бросок скальпеля, или хотя бы принять его вместо Рисы. Она не заслужила подобной участи.

Перед глазами возникло лицо девочки, с застывшим на нём выражением страха и изумления. Рэн содрогнулся, за-

трясся, скорчившись на ледяном полу. Холод и боль въедались в самую суть, мешая мыслить и убивая любую решимость. По-хорошему, следовало бы подняться и начать действовать, как-то выбираться отсюда, из этого жуткого места, где детей лишают жизни и свободы.

Но он мог только лежать, с закрытыми глазами, лелея образ Рисы, слившийся в сознании с понятием дома, и беззвучно рыдать, чувствуя, как слёзы стекают на камень.

Рэн не знал, сколько прошло времени, да это и не имело значения. Он лишь пытался удержать расслаивающееся воспоминание о девочке, но оно рассыпалось, выскальзывало из рук, улетало прочь, безжалостно разрушаемое болью. И ненавистью.

Кажется, мальчик уснул, в какой-то момент утомившись плакать и дрожать от холода. Проснулся он чуть позже, всё такой же разбитый, но теперь душевная боль слегка отступила, сменившись телесной. Вырезанные на спине знаки горели огнём, заставляя морщиться и тихонько стонать. Постепенно боль уходила, но не полностью, возвращаясь через некоторое время, набрасываясь с новой силой.

Надо вставать. Он должен найти способ убраться отсюда. Возможно, в этом городе найдётся хоть кто-нибудь, в чьём сердце остались жалость и доброта?

Рэн едва слышно выдохнул. Вряд ли, учитывая равнодушие горожан, коих они видели по дороге сюда. Они *привыкли* видеть рабов, и им *плевать*, даже если это дети. Никто, ни

одна душа не станет сопереживать ему. В этом мире можно полагаться только на себя.

Единственное, что никак не давало покоя Рэну – почему Узеф убил Рису? Чем ему помешала девочка? Для чего он так демонстративно избавился от неё? И было ли у этого убийства хоть одно оправдание?

Открыв глаза, Рэн с трудом различил очертания предметов. Источником света являлись отблески, бросаемые факелами на лестнице, и этого явно недостаточно, чтобы увидеть лабораторию целиком. Но, выбирать не приходится.

Пальцы с трудом разжались, каждое движение сопровождалось болью, простреливавшей от затылка до пят. Рэн стиснул зубы, стараясь не закричать. Ему не нужен лишний шум.

С огромным трудом вытащив правую руку из-под себя, мальчик попытался опереться о неё. Мышцы потряхивало, словно он весь день работал до изнеможения. Откуда такая ужасающая слабость? Может, всё дело в формации?

В конце концов, дрожь чуть утихла, и Рэн сумел опереться рукой о пол. Поднатужившись, он проделал то же самое с левой, после чего, едва не потеряв сознание, выпрямился, одним рывком сев на полу. Тело закачалось, грозя упасть, и Рэн взмахнул руками, удерживая равновесие. В голове шумело, комната перед глазами плыла по кругу, но он заставил себя закусить губу и продолжать. Теперь осталось самое сложное – встать на ноги.

Обе нижние конечности онемели, и, для начала, мальчик

слегка размял их пальцами, чтобы хоть немного вернуть чувствительность. Затем, ощущая, как кровь живее побежала по венам, выпрямил сначала одну ногу, после другую. Дыхание сбилось, спину кололо, жар поднялся выше, к шее.

Спокойно. Вдох-выдох. *У меня получится*. Я должен попытаться, ради Рисы и остальных, кого постигла та же участь.

Через силу согнув левую ногу, Рэн упёрся ею в пол. Затем повторил движение с правой ногой. Помогая себе руками, мальчик медленно начал подниматься. Шум в голове усилился, как и головокружение. Перед глазами замелькали разноцветные пятна, мышцы снова задрожали, словно в припадке, боль внезапно стремительно накинулась на тело, и, тихонько всхлипнув, Рэн потерял сознание. Удара о пол он уже не почувствовал.

Снов не было. Только серая безмолвная пустота, резко сменившаяся пробуждением. И на этот раз боль исчезла, осталась только лёгкая тошнота и слабость. Но не такая сильная, как прежде.

Мальчик открыл глаза, услышал тихий скрип пера по бумаге, и взгляд сам собой наткнулся на сидевшего за столом Узефа. Старик работал, спокойно водя рукой. Казалось, ему не было дела ни до чего на свете, настолько безмятежное выражение властвовало на лице господина.

- Как самочувствие? – внезапно спросил Узеф, заставив Рэна вздрогнуть от неожиданности. Мальчик промолчал, разглядывая старика. Тот, похоже, не ждал какого-либо от-

вета, только растянул губы в едва заметной улыбке.

- Кажется, ты сильно зол на меня из-за этого инцидента. Могу тебя понять. Но поверь, у меня есть веская причина, по которой я поступил подобным образом. Видишь ли, я учёный. Исследователь. И моя цель – изменить жизнь людей, даровать им лучшие условия для существования. Та девочка, Риса, оказалась крайне подходящим объектом для исследований. Мне понадобится её тело, чтобы создать лекарство от чумы, свирепствующей на юге.

Рэн скрипнул зубами. Узеф моргнул.

- Жители юга умирают в огромных количествах, каждый день, испытывая невыносимые муки. И я понял, что лекарство можно получить, только исследуя кровь. Детское тело лучше подходит для таких целей, кровь в нём более чистая.

Рэн пошевелился.

- Тогда почему, - хриплым голосом заговорил он. – Почему ты убил именно Рису? В чём её вина? Что она сделала такого, чтобы заслужить смерть?

- Ничего, - ровным тоном отозвался Узеф.

- Есть ведь множество бродяг, бездомных, отчаявшихся и переставших цепляться за жизнь. Почему бы тебе не использовать их? Зачем ты убил её?

Старик вздохнул.

- К сожалению, бездомные не подходят для моих целей. Нужна *качественная* жертва. Иначе результат окажется бесполезным.

Рэн сжал пальцы в кулак, тяжело оперся руками о пол, выпрямился, покачиваясь, но удерживая равновесие. Сознание не пыталось ускользнуть, как в прошлый раз. С трудом поднявшись на ноги, на глазах спокойно наблюдавшего Узефа, мальчик подошёл к столу, навалился на него, едва не падая. Взгляд Рэна оказался напротив глаз старика.

Ярость полыхала внутри мальчика, грозила вырваться наружу. Потоками жидкого огня она плескалась в груди, побуждая к действиям. Но Рэн выплеснул её во взгляде.

Узеф вздрогнул, когда увидел такую ярость в глазах ребёнка.

- Почему ты уверен, что эта жертва подойдёт? – негромко поинтересовался Рэн. – Неужели тебе настолько плевать на жизнь человека и ребёнка? Стоит ли твоё лекарство уплаченной за него цены?

Господин покачал головой, отведя взгляд.

- Ты теперь привязан ко мне знаком подчинения, который я вывел на твоей спине. Попробуешь причинить мне вред, сбежать или даже замыслить недоброе в отношении меня – метка убьёт тебя, через проклятие крови. Ты окажешься заражен, и, в течение суток с момента активации метки, распрощаешься с жизнью. Так что, на твоём месте, я бы вёл себя смирно.

- Мне плевать, - равнодушно ответил Рэн, разворачиваясь и ковыляя обратно к формации. Усаживаясь на пол, он отчётливо увидел тёмное пятно в том месте, где умирала Риса.

Похоже, Яррэ оттёр кровь, но не до конца.

Мальчик прикоснулся пальцами к пятну, провёл рукой, ощущая лишь холод гладкого, с небольшими сколами, камня. Здесь она и встретила конец. Жестокая участь.

Не будь Дорина, дети оставались бы в деревне, вместе с живыми родителями, ни о чём не заботясь и не пытаясь выжить, переступить через себя. Рэн понимал, что не виновен в смерти Рисы, но всё равно продолжал терзать душу, не ища оправданий.

Потому что в этом мире им нет места.

- Тебе следовало бы пообедать, - сказал Узеф, внимательно глядя на мальчика. Рэн не ответил, опустив голову и не желая разговаривать с убийцей. Тогда старик поднялся и направился к лестнице. Вскоре его шаги затихли наверху.

Он оправдывает себя высшей целью, благом для людей, но откуда ему знать, что исследования увенчаются успехом? Как этот старик может быть уверен, что у него получится создать лекарство из крови Рисы? Наверняка это не первая жертва Узефа, и, судя по всему, ничего не вышло. Получается, девочка умерла… напрасно?

Рэн рыкнул и с силой ударил кулаком о пол. Кожа на костяшках с готовностью лопнула, покрываясь кровью и торчащими ошмётками плоти. Мальчик прикрыл раненую руку здоровой, склонил голову ещё ниже, напряжённо дыша.

Нет, Узеф ошибается. Нельзя убивать людей, чтобы спасти людей. Убийство никогда не являлось средством раз-

решения проблем, оно лишь порождало новые, куда более страшные и неконтролируемые. Мальчик мог бы понять, убей старик взрослого человека, преступника или работорговца, чьи грехи неоспоримы. Но лишать жизни ребёнка? Кто в здравом уме способен на подобное зверство?

Да, Узеф безумен. И, что самое отвратительное, осознаёт свою вину, но продолжает искать оправдания. Возможно, он и впрямь искренне верит в то, что всё получится?

Рэн слизнул капли крови с пальцев. Раны защипало, и резкая боль помогла сосредоточиться.

Нужно найти способ избавиться от старика. Но сейчас мальчик слишком слаб, и неспособен справиться со взрослым крепким мужчиной. Нельзя обманываться худобой Узефа, он действительно силён, и ловок. И есть ещё Яррэ, верный пёс господина, за улыбкой которого прячется оскал. Эти двое – главные враги Рэна, и ближайшие цели, которые он должен убить. Но что может сделать восьмилетний мальчик? У него маленькое и слабое тело, неспособное причинить сильную боль, даже с оружием в руках.

Похоже, остаётся лишь наблюдать, выжидать и крепнуть. Быть может, спустя какое-то время ему удастся вырваться из рабства.

Метка на спине обожгла, уколола болью, напоминая о том, что нельзя помышлять о предательстве. Рэн задышал глубже, успокаиваясь и пытаясь очистить разум от лишних мыслей, которые могут привести к преждевременной смерти.

Раздались шаги на лестнице, и вскоре появился Узеф, несущий в руке миску, от которой шёл пар.

Мужчина подошёл к Рэну, поставил миску на пол, рядом положил слегка мятую ложку. В тарелке была каша с кусочками мяса, ароматно пахнущая и аппетитно выглядящая. Мальчик почувствовал голод.

- Ешь, - тихо предложил Узеф. – И прости меня. Я понимаю, как тебе тяжело принять мою позицию и смерть твоей подруги, но поверь, это действительно ради блага людей. Всё, что мы делаем, не зря. И ты ещё сыграешь свою роль.

Рэн смолчал, но потянулся к ложке, подвинул миску ближе и начал потихоньку есть, равнодушно пережевывая.

Старик покачал головой, вернулся к столу.

- Рано или поздно ты поймёшь меня, и перестанешь ненавидеть, - заметил Узеф, словно бы ни к кому не обращаясь. – И я искренне надеюсь, что мы сможем найти общий язык.

Он снова взял в руку перо, принялся выводить буквы, не обращая внимания на мальчика.

Рэн ел. И обдумывал слова господина. Да, он и впрямь целиком и полностью верит в свои действия, но эти оправдания кажутся донельзя нелепыми.

В душе мальчика царило опустошение, царство льда, медленно заполоняющее собой всё. Будь Рэн старше и опытнее, он, вероятно, принял бы доводы старика, и смирился с неизбежным. Но ненависть слишком бушевала в душе мальчика, и он не хотел от неё отказываться.

Не сейчас.

Сначала стоит показать, насколько он разбит и готов слушаться. Затем, заполучив доверие Яррэ и Узефа, начать готовиться к *этому*. Нельзя полагаться на случайности, у него должен быть план, который точно сработает, без единого промаха.

Рэн закончил есть и отставил миску в сторону. Энергия потихоньку наполняла тело, и в этом явно участвовала формация, в которой он всё ещё находился. Тем лучше.

Ему понадобится много сил, чтобы осуществить задуманное. Но, когда это произойдёт, Рэн получит желанную свободу. И попробует изменить этот проклятый мир.

Глава 12 – Истина каждого

Шло время. Узеф всё так же сидел и писал, изредка поглядывая в сторону мальчика. Рэн ощущал на себе взгляд ледяных глаз старика, но не поднимал свой, уставившись в пол и размышляя. Мысли копошились в голове, словно клубок змей, наползая одна на другую, то захватывая внимание Рэна, то отступая, даруя передышку. Мальчик не знал, сходит ли с ума, или в данной ситуации это нормально, но медленно раскладывал все идеи, заметки и воспоминания по полочкам. Рано или поздно, каждая нить составит цельное полотно, и тогда ему понадобятся все.

Раздались мягкие шаги, и в подвал спустился Яррэ. Слуга выглядел таким же спокойным и доброжелательным, как и прежде, но теперь Рэна не обманывала его внешность. Он *знал*, что под личиной добряка скрывается верная крыса господина, способная на любой поступок. Будь у него шанс, Рэн прямо сейчас впился бы в глотку Яррэ, но ещё рано. Он не готов к последствиям.

- Господин, - слуга поклонился Узефу. Старик слегка кивнул, закончил писать и, отложив принадлежности и лист в сторону, взглянул на Яррэ.

- Друг мой, возьми на себя смелость отмыть нашего мальчика и переодеть в подобающие вещи. После можешь привести обратно, у меня есть, что рассказать ему.

- Как пожелаете, господин, - Яррэ снова поклонился, затем бросил взгляд на Рэна. Мальчик не увидел в нём ничего, кроме показной доброжелательности и спокойствия. Этот мужчина был слишком хорошим актёром. Настолько, что любые его действия и поступки могли нести двойной, а то и тройной смысл, и Рэн не сможет ничего предугадать заранее. Слишком мало опыта у этого тела, даже сдвоенное сознание не даст преимущество в поединке умов. Остаётся лишь затаиться и выжидать, наблюдать, учиться у каждого: и хозяина, и слуги.

- Идём со мной, Рэн. Я помогу тебе, - мягко произнёс Яррэ, улыбаясь. Мальчик молча поднялся и встал перед слугой. Мужчина попытался поймать его взгляд, но не стал усердствовать, развернулся и направился к лестнице. Рэн последовал за ним.

Снова коридоры поместья, залитые дневным светом, но теперь уже лишенные былой привлекательности. Рэну казалось, будто за каждым поворотом, за каждой портьерой притаились голодные глаза, внимательно следящие за ним и только ждущие момента, чтобы напасть, впиться в плоть, разорвать на куски.

Вновь оказавшись в ванной комнате, Рэн уселся на скамейку с ногами, обхватил колени, уставился перед собой.

- Успокойся. Нет нужды винить себя или закрываться от нас, - вкрадчивый голос Яррэ ввинчивался в сознание, вызывал раздражение и злость. – Поверь, ты простишь госпо-

дина, узнав, сколь страшна южная чума.

- Ты обманул нас, - глухо бросил Рэн. Яррэ подошёл, сел рядом.

- Я не мог поступить иначе, Рэн. Так было нужно.

- Ты сказал, что вечером мы уедем отсюда, - чуть тверже проговорил мальчик. – Но уже заканчивается второй день, а мы всё ещё здесь. Это обман.

Яррэ вздохнул.

- Ах, ты об этом. Не волнуйся, мы действительно покинем город в ближайшее время. Просто кое-какие дела требуют присутствия господина Узефа. Придётся задержаться. Но это даст тебе время освоиться, свыкнуться с произошедшим. А сейчас давай, я помогу тебе смыть с себя грязь и кровь. Вода стынет.

Рэн только сейчас разглядел, что бадья более чем наполовину наполнена горячей водой, от которой в воздух поднимался пар, источающий ароматный запах хвои и чего-то ещё.

- Я добавил немного соли, купленной у южных торговцев, - пояснил Яррэ, хотя мальчик и не спрашивал. – Это поможет расслабиться.

- Я не смогу, - отозвался Рэн, медленно стягивая штаны. Рубахи на нём не было, да и не смог бы он сейчас надеть её – слишком болели знаки на спине.

- Попробуй. Риса была сильной, неужели не хочешь в знак уважения стать таким же? – слуга бросил вещи мальчика на скамью. Рэн стиснул зубы.

- Ты не знал её, поэтому не смей говорить, какой она была!

Яррэ встретился с мальчиком взглядом, ничуть не смутился.

- Понимаю, ненависть кипит в тебе. Что ж, у меня есть хороший способ её унять. Хотя бы на время.

Он подхватил мальчика и бросил в горячую воду. Рэн вскрикнул от неожиданности: вода оказалась обжигающей. К тому же, сразу заныли раны, причиняя боль. Ругаясь сквозь зубы, Рэн попытался вылезти, но Яррэ надавил на голову ребёнка и окунул его с головой. Воздух стремительно покидал лёгкие, и мальчику даже показалось, будто слуга хочет его утопить.

Но нет, Яррэ ослабил давление, позволив Рэну вынырнуть. Отплевываясь, мальчик ожёг мужчину злобным взглядом.

- Полегчало? – ничуть не смущаясь, поинтересовался тот. Рэн покачал головой.

Яррэ взял со скамьи пористый камень, каких мальчик никогда раньше не видел, окунул в воду и принялся тереть кожу Рэна, очищая от грязи. Камень кололся и причинял неудобство, но зато тело мальчика быстро превратилось в чистое.

- Знаешь, господин Узеф посвятил всю жизнь исследованию различных заболеваний, которые невозможно излечить. Он свято верит в то, что от любой болезни имеется лекарство, и хочет уничтожить южную чуму. Эта мысль не даёт ему покоя уже много лет, и, перепробовав всевозмож-

ные травы, господин осознал, что они не оказывают должного воздействия. Тогда он понял, что для создания вакцины ему потребуется кровь.

- Это ведь бред, - откликнулся Рэн, чувствуя, что момент хорошо подходит для вытягивания информации из Яррэ. Когда ещё представится возможность узнать побольше о враге?

- Почему ты так считаешь?

- Убивать невинных, чтобы создать средство от чумы… Разве этого бы хотели люди? Не думаю, что страдающие от неизлечимой болезни будут рады узнать, какой ценой получено лекарство.

- Они поймут, - мягко улыбнулся слуга. – За всё нужно платить, и порой стоимость мира превышает любые затраты на войну. Но это залог надёжного и процветающего будущего.

- Безумие, - прошептал Рэн, зачерпнув ладонями воду. – Всё, во что вы верите, основано на крови и смерти. Вы за это дорого поплатитесь.

- *Слышащий* давно уготовил нам эту участь, а *Видящий* направил нас, - кивнул Яррэ. – Но пойми: если бы был иной способ, господин Узеф давно бы его испытал. Другого выхода нет, и это не только его решение и вывод, так мыслят многие видные учёные.

- Они тоже приносят в жертву детей? – Рэн встретился взглядом с Яррэ. Слуга покачал головой.

- Они боятся. Нерешительность не позволяет им сделать

верный шаг навстречу славному будущему, без эпидемий и смертей. Но они поймут, когда увидят результат господина.

- Ты в это веришь, но я считаю, что вы ошибаетесь, - настаивал на своём Рэн. – Нельзя переходить грань, отделяющую человека от чудовища.

- Иногда не остаётся другого пути, Рэн. – Яррэ смыл со спины мальчика запёкшуюся кровь. Раны вновь открылись, мальчик ощущал неприятное жжение. Слуга помог Рэну выбраться из бадьи, уложил на скамью и, пропитав чистые тряпки каким-то раствором, принялся забинтовывать кровоточащие узоры.

- Но мне нравится, что ты мыслишь крайне серьёзно для своих лет, - заметил Яррэ, заканчивая. Рэн сел, пригладил мокрые волосы. – Думаю, господин не ошибся, оставив в живых именно тебя. Что-то в тебе и впрямь есть.

- Пустота, - глухо откликнулся мальчик. – Раньше там была душа. Но работорговцы, а после вы уничтожили всё, что имело значение.

- Прости, - спокойно произнёс Яррэ. – Постарайся забыть. Воспоминания о прошлом не приносят ничего, кроме тоски и боли. Оставь их *Знающему*.

Рэн молчал, пытаясь понять, кто эти три человека, чьи имена назвал Яррэ. Слышащий, Видящий и Знающий. Неужели местные божества?

Слуга переодел мальчика в чистые вещи: накинул на плечи тонкую рубаху из простого материала, на ноги впору при-

шлись штаны и грубоватые туфли, явно дешёвые, но даже так лучше, чем босиком.

- Идём, господин объяснит тебе обязанности.

- Для чего ему раб? – подал голос Рэн. Яррэ придержал дверь, пропуская мальчика.

- Я не знаю, - ответил он, шагая рядом по коридору. – Возможно, господин Узеф и сам не ведает. Но без дела сидеть не придётся.

Рэн качнул головой. Да, пожалуй, старик придумает ему применение. Может, заставит помогать при убиении жертв? Мальчик содрогнулся при мысли о том, что придётся убивать невинных. Нет, лучше сразу умереть, чем обрывать жизни тех, кто не заслужил подобной участи.

Старик сидел в гостиной, у камина, в котором потрескивали дрова. Рэн впервые оказался в этой комнате, и принялся осматриваться.

Паркет пола укрыт двумя небольшими коврами, побледневшими и потускневшими от времени, хотя Рэн сомневался, что даже в лучшие годы на них был более-менее привлекательный узор. С левой стороны от входа, у стены, возвышались книжные стеллажи, наполовину пустые. Впрочем, удивительно, что они хоть чем-то заполнены, если считать это поместье временным пристанищем. На стенах виднелись светильники, похожие на те, что Рэн видел на лестнице в подвал. Сейчас нужды в них не было: свет падал сквозь плотно задёрнутые шторы, выхватывая кружащиеся в возду-

хе пылинки и старый покосившийся столик, расположенный рядом с креслом.

Узеф читал какую-то книгу, и с неохотой оторвался, взглянув на вошедших.

- Вот и вы, - голос старика не выражал никаких эмоций, но в уголках глаз мелькнула слабая улыбка.

Будь Рэн более наивен, он бы обязательно купился на это проявление чувств. Но мальчик уже видел, на что способен учёный, и не мог себе позволить слабость. Ни сейчас, ни впредь.

- Присаживайся, Рэн, - предложил старик, указав на соседнее кресло. Мальчик устроился в нём, ощутив приятную мягкость и запах пыли, исходящий от обивки. – Яррэ, принеси-ка нам что-нибудь выпить.

Слуга послушно поклонился и вышел из гостиной. Узеф отложил книгу на столик, задумчиво поглядел на неё, затем перевёл взгляд на мальчика.

- Полагаю, в общих чертах Яррэ пояснил тебе, чем мы занимаемся?

Рэн промолчал. Старик хмыкнул, с неудовольствием забарабанил пальцами по подлокотнику.

- Хорошо. Я знаю, каково тебе, но не стану больше оправдываться. Ты можешь ненавидеть меня, презирать или считать кем угодно, главное, выполняй всё, что я прикажу. Это ясно?

- Да, - глухо отозвался Рэн.

- Отвечай «да, господин».

- Да… господин, - через силу выдавил мальчик. Старик кивнул.

- Славно. Так вот, Рэн: я понятия не имею, для чего ты мне нужен. Я купил двоих рабов, на всякий случай, полагая, что одного ребёнка может быть недостаточно для успешного эксперимента. Однако, мои расчёты оказались верны, и теперь мне необходимо найти тебе применение. Впрочем, пока я размышляю на эту тему, ты не будешь сидеть без дела. Мои слуги и, соответственно, рабы, люди грамотные. Поэтому тебе придётся научиться читать и писать.

Рэн удивлённо вздрогнул, поднял на старика взгляд. Он ожидал чего угодно, но не этого.

- Читать и писать? Разве это не для благородных?

- Чушь! – рассмеялся Узеф. – Кто угодно может быть грамотным, и ты не исключение. К тому же, если решу тебя перепродать, то цена за умеющего читать и писать раба гораздо выше, чем за бесполезного мальчишку.

Вернулся Яррэ, неся на подносе две чашки, от которых доносился приятный аромат трав. Поставив чашки на стол, слуга удалился.

- Многие думают, что всё в мире решает сила, - заговорил старик, взяв свою чашку. Осторожно подув, он сделал глоток. – О, Яррэ добавил свежую мелиссу. Славный мальчик. Пей, Рэн, этот чай не содержит яда.

Рэн последовал примеру Узефа, с некоторым опасением

отпивая из чашки, но напиток оказался очень вкусным и ещё более расслабляющим, чем купание в горячей воде.

- Однако сила – это далеко не всё, что помогает достичь вершины, - продолжил господин. – Большинство людей рождается бездарными, не умея использовать Воды Потока, и это их рок, их судьба. Неужели таким людям следует сдаться? Довольствоваться низким положением, вспахивать землю и сеять семена? Это смешно! Мы все появляемся на свет одинаково: из чрева матери, и жить должны одинаково, равно получая блага. Но так вышло, что благородные и одарённые стоят выше других, и тогда нам приходится искать способы.

Старик отставил чашку в сторону, сцепил пальцы в замок, задумчиво глядя на пляшущие язычки пламени в камине.

- Никто просто так не подарит тебе власть, мальчик. Каждый следующий шаг по этой лестнице требует всё больших усилий, и каждая ступень будет стоить дороже и дороже. Но ты ведь изначально к этому готов, не так ли? Иначе не родился бы.

Рэн пытался понять, о чём говорит Узеф, и с каждым следующим словом убеждался в одержимости старика. Какая-то идея не даёт ему покоя, заставляет двигаться вперёд. И это не только желание найти средство от властвующей на юге чумы. Узеф хочет большего. Стать аристократом? Но разве он *уже* не обладает высоким положением? Этого мало?

- Простолюдины вроде нас всегда считались жалкими от-

бросами, грязью под ногами благородных и, уж тем более, одарённых. Редко, когда среди обычных смертных рождается носитель дара. Наш удел – копошение в земле, в страхе и пресмыкании.

- Но вы ведь этого как-то избежали.

- Верно, - взгляд Узефа довольно блеснул. – К этому я и веду разговор. Когда тебя не устраивает положение дел, остаётся лишь бороться. И для слабых, лишённых талантов людей, есть только один верный способ встать с колен. Разум.

Старик замолчал, ожидая реакции собеседника, а Рэн обдумывал сказанные им слова. В чём-то Узеф прав, но он видит мир в двух цветах, чёрном и белом, тогда как мальчику начинало казаться, что нет ни того, ни другого.

Все вокруг – хозяева собственного сада смерти, тщательно выращиваемого и нежно лелеемого на протяжении всей жизни, в опасении, что кто-нибудь извне придёт и увидит наши пороки, грязные мысли, чувства и надежды. Вот только мы ошибаемся, принимая желаемое за действительное. Ошибаемся, считая, будто бы кому-то есть дело до нашего сада. Это совершенно не так.

Всем вокруг плевать на жизни других, и это настоящая правда. Никого не заботит, выживешь ты или погибнешь, ребёнок перед ним или старик. Каждый человек в этом мире думает лишь о своей выгоде, и будет драться до последнего, вцепившись зубами и ногтями в *своё*. Никто не замечает за собой излишней жестокости, но зато рад высмеять другого,

погрозить пальцем. Однако, случись подобное с ним, не дождётся никакой помощи, и станет проклинать окружающих, весь мир и богов, в душе прекрасно понимая, что винить, кроме себя, некого.

Мы сами строим свой сад смерти, и сами же медленно его убиваем.

Глава 13 – Принявший Клятву

- Вы не правы, господин, - заговорил мальчик. Брови старика слегка приподнялись, он явно оказался удивлён. – В этом мире нет ни хороших, ни плохих. Мы все – бездушные твари. И все живём в аду.

Узеф невольно рассмеялся.

- Надо же, - в голосе старика сквозило довольство. – Ты и впрямь интересный мальчик. Быть может, когда-нибудь мне удастся сотворить из тебя нечто совершенное. Да будут боги милостивы.

- Вы так уверены, что им на нас не плевать?

Вопрос застал господина врасплох. Узеф закашлялся, махнул рукой, прерывая разговор.

- Довольно. Пожалуй, мы начнём первое занятие прямо сейчас. Полагаю, тебе следует изучить алфавит, прежде чем браться за книги. Где-то здесь у меня был подходящий свиток…

Старик поднялся, принялся шарить на полке, выискивая одному ему ведомую вещь. Рэн откинулся на спинку кресла, глядя на пляшущие в камине язычки пламени. Мальчику казалось, что стихия – это единственное живое существо в мире. Впрочем, можно ли назвать пламя существом? Разве у него есть разум?

Узеф вернулся, положил на столик старый потрёпанный

свиток, пергамент которого выглядел так, словно им не одну сотню раз вытирали пол, позабыв, что он служит для иной цели.

- Итак, алфавит, - произнёс старик, задумчиво разглядывая выведенные на свитке строки. Кажется, он сам не слишком понимал, с чего стоит начать. – Кхм, что ж. Смотри-ка сюда, мальчик. Эта буква называется «орд», она обозначает солнце и чаще всего используется вместо звука «а» в словах. Ну-ка, повтори.

- Орд, - послушно сказал Рэн. Он не испытывал отвращение к мысли о том, чтобы научиться читать и писать. Как бы ни повернулась жизнь дальше, эти навыки действительно окажутся полезными для него, старик, на удивление, был прав.

Последующие несколько часов хозяин и раб потратили на изучение основных букв и звуков алфавита, и к концу занятия у Рэна изрядно болела голова. Мальчику казалось, будто кто-то потоптался по его разуму, раскидав знания, от которых мозги теперь пухли. Тем не менее, к вящему удивлению Узефа, мальчик сумел прочесть несколько строк, пусть запинаясь и порой коверкая слова, но всё же.

- А ты не так уж прост, верно? – рассмеялся старик. – Хорошо, пожалуй, нам стоит закончить на сегодня.

- Если господин не против, я бы хотел ещё почитать, - неуверенно попросил Рэн. Ему претила сама возможность просить что-то у хозяина, но он понимал, что без упорной

практики не научится чтению. А ведь есть ещё и письмо.

В глазах Узефа мелькнула насмешка.

- Конечно, но сначала нам следует поесть. Какой прок заниматься на голодный желудок? Идём, Яррэ наверняка уже что-нибудь приготовил.

Старик вышел в коридор, его шаги гулким эхом разнеслись по дому. Рэн посидел, ещё с минуту глядя в камин, затем поднялся и последовал за господином.

В небольшой комнате, служившей столовой, Яррэ как раз заканчивал накрывать на стол. Что-то тихонько напевая себе под нос, мужчина выставил миски с едой, после чего ловко разлил по бокалам какой-то напиток. Узеф спокойно сел во главе стола, постелил на колени салфетку, взялся за вилку и нож.

- Располагайся, где тебе удобно, - предложил он Рэну. За столом было целых семь мест, и мальчик выбрал второе слева, держась на некотором расстоянии от хозяина. Старик усмехнулся, словно предполагал, что он так поступит.

Яррэ вытер руки полотенцем и сел по правую руку от господина.

- Прекрасное блюдо, - похвалил Узеф, чуть погодя. – На мой взгляд, ты превзошёл сам себя, Яррэ.

- Благодарю, господин, - кивнул слуга. – Столь лестная оценка греет мне сердце.

- А ты что скажешь, Рэн? Нравится? – полюбопытствовал старик. Мальчик крепко задумался, тщательно пережёвывая

отбивную, и услышал хозяина лишь во второй раз.

- Это вкусно, - неуверенно кивнул он. – Но, по правде говоря, не могу оценить по достоинству, ведь мне редко доводилось пробовать мясные блюда.

Хозяин и слуга переглянулись, и в их глазах мальчик увидел отнюдь не насмешку. Нет, там открыто сквозила жалость, и это разозлило Рэна. Он никак не мог понять, почему те, кто без лишних угрызений совести убил маленькую девочку, проявляют эмоции, присущие нормальным людям? Это больше походило на сумасшествие, и Рэн боялся заразиться им.

- Что ж, думаю, скоро мясо тебе изрядно надоест, - усмехнулся Узеф. – К счастью, мы можем себе позволить покупать его довольно часто. Уверен, через пару месяцев ты достаточно окрепнешь, чтобы начать упражняться.

- Вы хотите сделать из меня воина? – Рэн едва не выронил вилку. Старик помахал в воздухе ножом, выказывая неопределенность.

- Как знать, возможен и такой вариант. На самом деле, я думаю, что тебе пригодится умение постоять за себя. Когда-то давно я любил фехтование, но затем забросил, в угоду книгам и тем знаниям, что они даруют. Однако ты ещё мал, и для тебя физические упражнения необходимы, как воздух. К тому же, направит нас Видящий, вдруг ты станешь моим телохранителем?

Рэн отчётливо скрипнул зубами при этих словах. Нет уж,

лучше умереть, чем прикрывать спину тому, кто убил Рису! Не бывать такому! Но вслух он не сказал ничего, и даже не выразил согласие. Пусть старик думает, будто мальчику всё равно.

- В любом случае, пока не решится твоя дальнейшая судьба, ты будешь получать всё необходимое образование, как умственное, так и физическое, - проговорил Узеф, доедая стейк. – Что ж, Яррэ, прими мою искреннюю благодарность за ужин. Прошу меня извинить, я изрядно утомился сегодня и, пожалуй, отправлюсь в постель.

Слуга поспешно вскочил, поклонился, затем проводил старика к лестнице. Совсем недавно источавший энергию, Узеф чуть сгорбился, будто кто-то внезапно выдавил из него все соки. Рэну это показалось странным.

Яррэ очень быстро вернулся, к тому времени мальчик доел свою порцию и отставил миску в сторону.

- Спасибо, - негромко поблагодарил он, переступая через себя. Как ни крути, а эти двое пытаются быть с ним вежливыми, и, чтобы убедить их в своей лояльности, он обязан поступать также. Даже если очень не хочется.

- Господин сказал, ты выразил желание ещё позаниматься? – спросил слуга.

- Да, мне хочется закрепить полученные знания, - подтвердил Рэн.

- В таком случае, можешь идти в гостиную, я сейчас принесу тебе свечу и покрывало. Если возникнет такое желание,

можешь лечь там же.

- Я видел на стенах светильники, - вспомнил мальчик. Яррэ хмыкнул.

- Они не работают. К сожалению, использование заклинаний света слишком невыгодно в плане финансов, поэтому мы либо пользуемся свечами, либо факелами. Неудобно, но дешево.

Рэн понятливо кивнул и, выбравшись из-за стола, направился обратно по коридору. Слушая скрип половиц под ногами, мальчик размышлял над поведением хозяина и слуги. Он не мог заглушить ненависть, хоть и понимал, чего это будет стоить. Знак подчинения прикончит его, как только почувствует нотки предательства. Поэтому приходится внушать себе равнодушие, притворяться дружелюбным и спокойным, хотя больше всего на свете хотелось схватить какое-нибудь оружие и…

Спокойно, нельзя терять контроль. С другой стороны, стоит отдать должное господину Узефу – он ведёт себя не как хозяин, а как наставник. И прекрасно объяснил свою позицию по отношению к миру. Конечно, Рэну она претит, и он никогда не согласится с доводами старика, но это его право. По меньшей мере, мальчику стоит принять хорошее отношение окружающих и не усугублять ситуацию. Иначе его опять продадут, и следующий господин вряд ли окажется столь добр.

А что, если Узефу вдруг взбредёт в голову провести ещё

один ритуал и принести в жертву его, Рэна? Безумный исследователь не станет жалеть мальчика, ведь всё это *ради высшего блага*, разумеется.

Значит, нужно сделать так, чтобы его не убили. Стать полезным. Вырасти, набраться сил, знаний и опыта, а потом получить свободу. Быть может, со временем старик проникнется к нему доверием и освободит лично. Это был бы самый лучший выход из положения. Хоть и невозможный.

Рэн подошёл к камину, с ногами забрался в кресло, взял книгу, которую Узеф использовал в качестве учебника. Дрова почти догорели, и давали слишком мало света, но скоро пришёл Яррэ и принёс свечу в подсвечнике, поставив его на стол так, чтобы Рэну было видно буквы.

Укрыв мальчика покрывалом, слуга улыбнулся и попытался поцеловать его в лоб, как делала мама. При воспоминании о ней Рэн вздрогнул, отшатнулся, забился в самый уголок, испуганно глядя на Яррэ. Мужчина виновато поднял руки, отошёл на пару шагов.

- Прости, я не подумал. Ты ведь потерял мать…

Рэн молчал, ощущая, как неистово бьётся сердце, а грудь раскалывается от, казалось бы, немного зажившей боли. Мама была для него всем, а теперь её не стало. Как и Рисы. Как и старого Кена. Все они погибли, чтобы он жил. Но для чего? Не лучше было бы умереть, оказавшись рядом с близкими?

- Доброй ночи, малыш. Постарайся не сидеть допоздна, завтра нам предстоит трудный день, - негромко сказал Яр-

рэ, пряча взгляд. Развернувшись, слуга ушёл, а мальчик ещё долго вслушивался в удаляющиеся шаги, прежде чем вздохнуть спокойно.

Да, близкие покинули этот мир, но он всё ещё жив, и в его груди бьётся не одно сердце, а целых четыре. Он должен преодолеть слабости, стать сильным, ради мамы, Кена и Рисы. Он выживет и проживёт насыщенную жизнь – за них.

Чуть успокоившись, Рэн открыл книгу на первой странице, продолжил чтение, всматриваясь в пока ещё слабо знакомые буквы, слишком неохотно складывающиеся в слова. Впрочем, спустя половину страницы, дело пошло гораздо легче.

Книга называлась «Из истории войн» и повествовала о самых жестоких сражениях этого мира. В ней было очень много деталей, которые ребёнку знать не положено, автор труда явно не гнушался расписывать всё до мелочей. Изредка Рэна передёргивало от омерзения, когда случалось встретить упоминание разодранных магией тел и последствия схватки колдунов. Но, к вящему своему удивлению, Рэн заметил, что магических сражений было крайне мало.

Этот вопрос заставил мальчика крепко задуматься. Неужели маги в этом мире – редкость? Что, если дар тут подобен песчинке в море? Тогда его планы становятся ещё более далёкими и трудноосуществимыми. Потому что в мире, лишённом большого числа колдунов, бывшему богу ни за что не вернуть былые силы.

Рэн стиснул зубы, едва слышно выругался. Проклятье! Если всё действительно так, то что делать? Как быть? Помощи тут ждать неоткуда – это он усвоил крепко. Тогда придётся обратиться к другому пути…

Местные боги. Ему нужно узнать о них больше, и о системе религии в целом. Как и об устройстве магии в этом мире.

Рэн чуть было не застонал от накатившей головной боли. Сколько всего надо узнать, но он так мал и слаб, и скован меткой! Не стоит грезить о несбыточном, когда к ноге прикован неимоверно тяжелый груз. Лучше шагать постепенно, накапливая сведения о мире, чтобы не выглядеть здесь таким чужаком, каким он сам себя ощущает.

И, как ни странно, рабство у старика неплохо подходит для этого.

Как бы мне хотелось научиться сражаться…

Рэн вздохнул, закрыл книгу, чувствуя, как устали глаза, он даже начал испытывать небольшую резь. На сегодня достаточно чтения.

За окном изрядно смеркалось, солнце окрасило горизонт в ярко-багровые тона, будто кто-то прыснул на небеса кровью. Рэн задёрнул штору обратно, вернулся в кресло, прекрасно подходящее для маленького мальчика и в качестве кровати. Закутавшись в покрывало, ещё помнящее запах Яррэ, Рэн задул свечу и закрыл глаза.

Звуки окружающего мира почти мгновенно покинули его, крепкий сон опутал тонкой, почти невесомой паутиной, нис-

послав очередное видение…

Рэн сразу понял, что это снова кошмар. Только в прошлый раз он видел армии, сражающиеся друг с другом, а в этот перед мальчиком предстал один лишь человек.

Мужчина в набедренной повязке, в сандалиях на босу ногу, обессиленный и почти мечтающий о смерти, брёл по пустыне, увязая в жадном песке. Рэну показалось, будто он где-то видел этого человека, но не мог вспомнить, где и когда. Внешне мальчик дал бы незнакомцу лет тридцать-сорок, точный возраст определить он не сумел. Мужчина выглядел очень истощённым, слишком худощавым для своих лет.

Возможно, он шёл уже слишком долго. На поясе путника висел бурдюк, и периодически мужчина прикладывался к нему, но, похоже, вода не придавала страннику сил. Ему нужен был отдых. Вот только привал в пустыне грозил смертью. Рэн не мог объяснить откуда, но он точно это знал.

Но вот, спустя неизвестно сколько времени, путешественник вышел к маленькой деревне. Она была настолько крошечной, даже меньше той, где вырос Рэн, что мальчик невольно поразился: всего пара домов.

Из них, завидев замершего на песчаном холме мужчину, высыпали жители. Их оказалось довольно много, человек пятнадцать. Они радостно приветствовали путника, поднесли ему кувшин с водой, чуть ли не мигом накрыли на стол. Увидев скромную пищу, странник попытался отказаться, но деревенские жители настояли, молодая красивая де-

вушка лично поднесла незнакомцу кусок мяса.

Смирившись с неизбежностью, путник разделил с местными стол и еду, после чего, устроившись на старом, изъеденном временем плаще, принялся рассказывать истории о своих похождениях. Они внимали, раскрыв рот, и видно было, сколь редко появляются в этих краях другие люди. Вполне возможно, что все старики здесь – братья и сёстры, а дети их вынуждены будут любить друг друга. Рэн содрогнулся от одной мысли об этом. Происходящее казалось ему слишком неправильным, искажённым. Такого не должно быть.

Странник говорил до самой ночи, а затем, видя, как он устал, жители постелили ему между домами, возле старого очага. Поблагодарив за кров и пищу, мужчина уснул.

Чтобы пробудиться среди ночи от истошных криков, полных боли и отчаяния. Вскочив на ноги, странник увидел, как нечто, напоминающее по виду смоляной туман, утаскивает деревенских жителей под землю. Он бросился было на помощь, но внезапно понял, что остался совершенно один, наедине с опустевшими безликими домами. Только слабо тлеющие в очаге угли были свидетелями недавно живших здесь людей.

Странник шагнул в ближайший дом и наткнулся на старика, трясшегося в ужасе. В его дрожащих руках виднелся нож и, глядя на путника безумным взглядом, старик вонзил лезвие себе в грудь.

Мужчина долго стоял и смотрел на мертвеца. В душе его

смешались скорбь и ярость, порождая невероятное чувство, приправленное сверху пеплом вины. Рэн отчего-то прекрасно понимал этого незнакомца, ощущал его злобу на существа, которые не должны существовать в этом мире, но они есть. И убивают без разбора.

Мужчина дождался, пока первые лучи солнца коснутся крыш, после чего, пополнив запасы воды и взяв немного еды, направился дальше на запад. Позади он оставил опустевшую деревню.

- Проклятие следует за ним по пятам, и не укрыться от него ни на земле, ни на воде, ни в воздухе. Рок довлеет над Принявшим Клятву, и ничто не сможет спасти тех, кто окажется рядом, - раздался всё тот же голос, что говорил с Рэном в прошлом видении.

- О чём ты говоришь? – не понял мальчик. – Кто такой Принявший Клятву? Что это за человек?

- Веками ходит он по земле, не имеющий ни крова, ни семьи, обречённый измерять ногами версты, - усталость ещё больше сквозила в голосе, чем в прошлый раз. – И каждый, кто видит Принявшего Клятву, знает: грядёт конец. Великие несчастья, мор и опустошения поглотят мир, когда проклятый посланник достигнет Храма Вознёсшихся. Тот, кто окажется достоин, должен успеть явиться туда первым, иначе мои усилия напрасны.

Рэн ощутил, как усиливается резь в глазах, а головная боль становится нестерпимой. Мужчина, шагающий по пу-

стыне, вдруг резко взглянул прямо ему в глаза, и Рэн, громко закричав, проснулся.

Он лежал в кресле, рубаха оказалась вся липкая от пота, и сердце колотилось в груди, как бешеное. Взгляд Принявшего Клятву по-прежнему стоял перед глазами, и мальчика передёргивало от ужаса.

То был взгляд человека, познавшего тяжесть веков.

- Что это за видения? И почему они посещают именно меня? – прошептал Рэн, прижав колени к груди. Несмотря на мокрое тело, его сильно знобило, и мальчик покрепче запахнулся в покрывало. Стало чуть легче.

Второе видение кряду, и снова тот же голос, призывающий Рэна к чему-то. В прошлый раз он говорил о том, что нужно вернуть Вознёсшихся, в этот – о необходимости разыскать некий Храм. И о грядущем конце.

Что я могу сделать, чтобы остановить это, если видения реальны?

Ничего. Он всего лишь мальчик, не обладающий даром, слабый физически и несущий на себе метку раба.

Ему остаётся только наблюдать, не в силах повлиять на ход событий. И он даже не может понять, что происходит. Слишком много вопросов, и нет никого, кто знал бы на них ответы.

Рэн до крови закусил губу и уткнулся носом в обивку. Не стоит брать на себя то, что ты вынести не в состоянии. У каждого свой путь.

У него же пока нет права решать. Он всего лишь маленький раб. И это та реальность, с которой нужно смириться.

Иначе можно просто сгореть, так и не долетев до звёзд.

Глава 14 – Помощник

Рэн проснулся перед самым рассветом, весь в мокрой одежде, неприятно прилипшей к телу. С отвращением скинув покрывало, мальчик потянулся, поежившись от сквозняка, прогулявшегося по телу.

Соскользнув с кресла, он отправился в коридор, пробираясь почти на ощупь: за окном всё ещё было темно. Добравшись до ванной комнаты, мальчик с надеждой заглянул в бадью, но воды там не оказалось. Вздохнув, Рэн взял с полки ведро и повернул назад.

К счастью, чёрный ход не был заперт, и мальчик выбрался на задний двор, сразу направившись к бочке.

Хватит и одного захода, решил он. Нужно лишь смыть с себя ночные страхи, избавиться от ощущения безысходности, посещающего уже второй раз. Видения ввергали Рэна в ужас, заставляли трепетать, порождали желание забиться в самый тёмный угол и не выходить оттуда, ни за что на свете. Страшно, когда не можешь понять происходящее, или хоть как-то объяснить. Единственное, что Рэн вычленил для себя из двух видений: грядёт бедствие. Нечто, несущее опасность для всего мира, и существ, его населяющих. Не понимал только свою роль в этом. Но был уверен, что неизвестный говорящий продолжит показывать ему разрозненные картины. Может, обрывки воспоминаний? Но чьих?

Набрав воды, мальчик с усилием понёс полное ведро в дом. Небо как раз начало понемногу светлеть, и идти по коридору, лишённому факелов, стало гораздо легче. Вылив воду в бадью, Рэн наклонился, прищурившись, нащупал формацию, активировал лёгким касанием, поразившись вмиг загоревшимся линиям узора.

Выходит, в этом мире любой может использовать наложенные заклинания? Надо спросить у Яррэ, этот странный человек, кажется, знает почти обо всём. Может, он и про религию сумеет рассказать подробнее?

Дождавшись, пока от воды повалит пар, Рэн разделся, взял с полки мыло и встал перед бадьёй. Формацию нужно было как-то деактивировать. Но Яррэ в прошлый раз строго предупредил не касаться линий активного узора. Как быть?

Закинув ногу, Рэн рывком залез в воду, выглянул из-за края, с удивлением отметив, что формация погасла. Получается, она сама прекращает работу, когда кто-то живой находится в бадье? Очень предусмотрительно.

С наслаждением смыв с себя ночной пот и уделив особое внимание непослушным волосам, мальчик выбрался из помутневшей воды, нашёл взглядом лежавшее на лавке полотенце, наскоро обтёрся.

Где взять сменные вещи? Об этом он как-то не подумал, а надевать обратно грязную одежду не хотел. Как теперь поступить?

- Кхм, кажется, кое-кто столкнулся с затруднениями, -

раздался от двери насмешливый голос Яррэ. Рэн резко развернулся, увидел улыбающегося слугу, скрестившего руки на груди и спокойно наблюдающего за ним.

- Простите, мне не стоило…

- Пустяки, - отмахнулся Яррэ. – Как хорошо, что у меня есть ещё один комплект одежды для тебя. Правда, более грубой, но, полагаю, тебе не привыкать.

Он подошёл к лавке, аккуратно положил стопку вещей, собрал грязную одежду Рэна и бросил в бадью.

- Переоденься, - сказал слуга, заметив, что мальчик всё ещё стоит, неуверенно следя за его движениями. – Поможешь мне накрыть на стол.

- Хорошо, - кивнул Рэн. В этот раз рубаха и штаны оказались тёмного цвета, более плотные, но, на первый взгляд, весьма надёжные. Из обуви Яррэ принёс мягкие туфли, довольно грубо отделанные, но это всё равно выглядело богаче, чем всё, что Рэну доводилось носить прежде. Принарядившись, мальчик позволил слуге пригладить свои волосы.

- Ну вот, теперь ты более похож на городского ребёнка, - с тихим смешком произнёс Яррэ. – Идём.

Рэн последовал за мужчиной, глядя на худую шею и покачивающиеся кудри, которые слуга явно старался причесать, но у него ничего не вышло.

Что он за человек? Тот ли, кем кажется? Что происходит в его голове? Рэн не знал ответов на эти вопросы, но ему, несмотря на всё, что довелось пережить, нравилось спо-

койствие и уверенность Яррэ. Ненависть и ярость мальчика утихли, смылись вместе с ночными страхами, и он как-то иначе взглянул на слугу.

- Скажи, а часто господин убивает людей? – спросил Рэн. Яррэ слегка вздрогнул, удивлённо покосился на мальчика.

- Почему ты этим интересуешься?

- Хочу понять его.

Мужчина едва слышно вздохнул, покачал головой.

- Нет, нечасто. Должен сказать, Риса была первым убитым ребёнком, до неё господин Узеф убил лишь однажды, чтобы спасти свою жизнь.

- Получается, - у Рэна резко пересохли губы. Мальчик облизнул их, ощутил, как сильнее забилось сердце. – Мы его первые жертвы?

Яррэ неохотно кивнул. Уголки губ слуги были слегка поджаты, из чего Рэн сделал вывод, что мужчине не очень нравилось содеянное.

- Он искренне сожалеет об этом, - прошептал Яррэ. – Господин совсем не убийца, Рэн. Эти два дня он с трудом концентрируется на работе, всё время вспоминая Рису. И не спит ночами, измученный кошмарами.

Мальчик стиснул зубы от накатившей вновь злости.

- Тогда для чего? Зачем было всё это?

- Мы тебе уже объясняли, - устало сказал Яррэ. – Мир не спасти, ничем не пожертвовав. Всегда приходится от чего-то отказываться. И, если понадобится, господин готов стать

ужасным монстром, лишь бы выжили люди.

- Откуда ему знать, что его план сработает? – процедил Рэн. – Что, если он ошибается? Что, если Риса погибла напрасно? Позволит это ему жить спокойно?

- Полагаю, что нет, - раздался от лестницы спокойный голос Узефа. Старик выглядел измождённым, но цепкий взгляд по-прежнему выдавал в нём хищника. – Но это моя судьба, мой рок, и я готов нести его до самого конца, мальчик.

- Смотрите, как бы он не сломил вас, - почти выплюнул Рэн. Яррэ с неодобрением взглянул на мальчика, но смолчал. Как и Узеф, с тихим смешком направившийся в гостиную.

- Идём, нужно накрыть стол к завтраку, - приказал слуга, чьи сдвинутые брови отражали не самое хорошее настроение. Кажется, препирания с Рэном и недомогание господина не нравились Яррэ. Но мальчику было всё равно.

Слуга поднялся на второй этаж, зашёл в одну из комнат, отданных под кладовые, взял оттуда несколько столовых приборов: три тарелки, нож, вилки и стаканы. Рэн неслышной тенью следовал за Яррэ, и, оглянувшись, мужчина вручил часть ноши мальчику.

- Держи. Отнесём это в столовую.

Рэн безмолвно взял тарелки, зашагал вниз по лестнице.

- Почему в этом доме всё так неудобно расположено? – спросил он. – Чтобы взять чашку с ложкой, нужно сначала подняться наверх, а затем вновь спуститься и пойти в столо-

вую.

Яррэ невольно рассмеялся.

- Знаешь, первое время я тоже был удивлён, но затем смирился и привык к этому. Просто на первом этаже не так много комнат: столовая, кухня, ванная, гардеробная и небольшой чулан под различные вещи, так что приходится пользоваться помещениями второго этажа.

Мальчик недовольно хмыкнул, но не стал спорить. В столовой они аккуратно разгладили скатерть, затем Яррэ показал Рэну, как следует раскладывать столовые приборы. Закончив с приготовлениями, мальчик и слуга отправились на кухню, оказавшуюся крайне небольшим помещением. Здесь имелся стол, пара шкафов, из которых торчала различная утварь и в углу, на возвышении, стояла широкая пластина, лишённая каких-либо знаков.

- Что это? – Рэн указал на пластину.

- Плита, - усмехнулся Яррэ. – Смотри, здесь есть едва заметная формация.

Мужчина ткнул пальцем на рисунок, представлявший собой неправильной формы звезду, с вытянутым верхним лучом, вписанную в полукруг.

- Если коснуться этого края, то формация сработает, и плита начнёт нагреваться, - Яррэ продемонстрировал сказанное, проведя пальцем по длинному лучу. Узор вспыхнул ярко-синим. – Чтобы деактивировать, нужно сделать обратное движение.

Палец скользнул назад, и рисунок вновь стал слабо видимым.

- Необычно, - признался Рэн. Слуга внимательно взглянул на мальчика.

- У вас в деревне такого не было, да?

Рэн покачал головой.

- Мы пользовались печью, или костром. Но так даже интереснее. Все эти формации… слишком сильно облегчают жизнь.

- Зато можно не тратить на это время, - улыбнулся Яррэ. – Так, ну-ка, возьми вон ту кастрюлю.

Рэн послушно схватился за ручки большой пузатой кастрюли, в которой что-то громко булькнуло.

- Аккуратно, не расплещи, - наказал слуга. – Идём.

Вернувшись в столовую, они быстро разлили кашу по тарелкам, после чего отставили кастрюлю в сторону. К этому времени Узеф уже спустился вниз и устроился во главе стола.

- Итак, друзья мои, - начал старик, когда первый голод был утолён. При слове «друзья» Рэн едва слышно скрипнул зубами, но смолчал. – Неотложные дела требуют сегодня моего непременного присутствия в городской канцелярии, так что, я буду вынужден вас покинуть до вечера. По меньшей мере, я надеюсь, что к вечеру всё выяснится, и завтра мы сможем покинуть этот гостеприимный городок.

Перспектива уехать отсюда Рэна неожиданно порадова-

ла. Несмотря на то, что он впервые оказался в городе этого мира, мальчику тут не нравилось. Было нечто наигранное, странное в поведении горожан и общей атмосфере поселения. Словно все вокруг лишь притворялись людьми. Рэн и сам не смог бы толком объяснить, что чувствует, но знал: в городе не следует задерживаться. Возможно, дом Яррэ и Узефа окажется гораздо более приятным местом. В конце концов, как бы он не хотел, но придётся провести рядом с этими людьми много времени. И лучше, если условия будут соответствующими.

- Хорошо, господин, - беспрекословно кивнул Яррэ. – Что желаете на ужин?

- Пожалуй, мне бы хотелось твоё фирменное овощное рагу, - едва заметно улыбнулся старик. Затем перевёл взгляд на Рэна. В глубине глаз хозяина мальчик различил искорки печали, смешанные с желанием склеить разломанный мост, начавший выстраиваться между ними вчера. – Поверь мне, это лучшее блюдо, которое мне когда-либо доводилось пробовать.

- Вы мне льстите, - тихо рассмеялся слуга. – Хорошо, я приготовлю.

- Вот и славно, - Узеф вернулся к еде. – И займись мальчиком. Закрепите вчерашний урок, пусть начнёт читать побольше, с сегодняшнего дня. У него хорошие задатки.

- Непременно, - пообещал Яррэ. Рэн сидел, чувствуя невыразимое облегчение. Почему-то, находиться рядом с

кудрявым слугой ему казалось гораздо предпочтительнее, чем с Узефом. Старик внушал мальчику стойкое омерзение одним своим присутствием. Конечно, опасаясь наказания от ошейника, Рэн не смел думать о возмездии, но никто не мог запретить ему презирать хозяина.

Закончив завтракать, господин переоделся с помощью Яррэ, после чего отправился вниз по улице. Поглядев ему вслед, Рэн повернулся к слуге.

- Начнём урок? – улыбнулся тот, вытирая руки полотенцем.

Они сели в гостиной, обложившись книгами. Алфавит неожиданно легко поддался сегодня ученику, и вскоре Рэн без запинки повторил все тридцать букв и тридцать семь звуков, а также их значение.

- Неплохо для того, кто только вчера всё это узнал, - похвалил мальчика Яррэ. – А что насчёт текста?

Взявшись за книгу, отличавшуюся от той, которую Рэн читал вечером, слуга открыл потрёпанный том, повёл пальцем вдоль строки, заставляя мальчика неторопливо проговаривать каждую букву, иногда останавливая и заставляя объяснять то или иное произношение. Так оказалось куда сложнее сосредоточиться на содержании прочитанного, но зато улучшились и дополнились уже имеющиеся знания.

- Итак, о чём говорится в этом абзаце? – поинтересовался Яррэ, ткнув в самую объемную часть текста.

- О том, что жизнью людей властвуют три сущности: Слы-

шащий, Видящий и Знающий. Суть их разнится, но каждый имеет влияние на жизненный цикл и само мироздание. Слышащий держит в своих руках нити людских дорог и имеет право изменять Судьбы тех, кто преступил Догму. Видящий следит за человеческими поступками, мыслями и намерениями, он способен наставить человека на тот или иной путь. Знающий хранит мудрость тысячелетий, однажды поделившись разумом с людьми, он отвечает за сферу созидания, науки и культуры. Все трое зовутся Грандиозными, восседая в Палатах Вознёсшихся, и оттуда наблюдают за нашим миром.

Остановившись, Рэн окинул взглядом книгу. Ну вот, те самые знания о религии, которых ему так недоставало. Теперь он обладает поверхностным взглядом на местный пантеон, хотя, разумеется, это лишь краткая суть высших его существ. Остальное он прочтёт потом, уединившись с этим томом поздно вечером. И кое-что не давало мальчику покоя.

Палаты Вознёсшихся. Голос в видении упомянул Храм Вознёсшихся. Что, если два этих места как-то связаны? Он сказал Рэну найти Храм, попасть туда раньше Принявшего Клятву, но как это возможно? Вдруг Храм находится там же, где и Палаты? Выходит, Рэн должен попасть в обитель местных богов?

Скривившись от нахлынувшей головной боли, мальчик устало выдохнул. Это не укрылось от внимательных глаз Яррэ.

- Похоже, новые знания тебя порядком утомили, малыш.

Идём, пора немного размяться.

Отложив книги в сторону, слуга потянул Рэна за рукав, направившись к лестнице. Миновав статую медведя, двери в столовую, на кухню и в чулан, Яррэ остановился перед чёрным входом. Потянул за ручку и вывел мальчика на задний двор. Солнце как раз скрылось за облаками, набежали тёмные тучи, грозящие пролиться на землю хлёстким ливнем. С опаской поглядывая на небо, Рэн пробормотал:

- Может, не стоит нам выходить из дома?

- Не бойся, мы ненадолго, - рассмеялся Яррэ. – Просто покажу тебе кое-что полезное. Смотри и запоминай.

Взмахнув пару раз руками, слуга принялся разминаться, выполняя различные упражнения, некоторые из которых показались Рэну чересчур сложными для, казалось бы, немолодого уже мужчины. Однако, к изумлению мальчика, Яррэ весьма ловко проделал весь комплекс, после чего, ничуть не запыхавшись, остановился, утирая пот со лба.

- Подобные упражнения ты будешь выполнять каждый день, - предупредил он Рэна. – Они помогут тебе стать крепче, выносливее и ловчее. Считай это экзаменом, допускающим тебя к обучению фехтованием. Сможешь выполнить всё – господин Узеф позволит тренироваться с мечом. Нет – продолжишь заниматься укреплением.

- Хорошо, - с сомнением произнёс мальчик. – Но как я смогу всё это сделать?

- Без лишней спешки, - усмехнулся Яррэ. – Ну, гляди,

первое движение – самое важное. Оно является вступительным, и разогревает основные мышцы, которые задействуются в разминке. Тебе стоит наклониться вот так, а затем слегка перенести вес тела с одной ноги на другую…

Постепенно следуя указаниям Яррэ, Рэн сумел проделать несколько движений, дойдя почти до середины комплекса, но затем ощутил усталость. Упражнения были непривычными для его тела, пусть и тренированного работой по дому. Совсем другие мышцы включались в работу, совершенно иные ощущения.

Мальчик и слуга сели на траву, прислонившись к стене дома, вдыхая свежий воздух, слегка отдающий приближающимся дождём.

- Откуда ты всё это знаешь? – полюбопытствовал Рэн, полагая, что момент подходящий, чтобы узнать побольше о Яррэ.

Мужчина едва заметно улыбнулся, но сквозь улыбку проглядывала застарелая боль.

- Раньше я был воином, пусть сейчас по мне и не скажешь.

- Ты?! – изумился Рэн, на миг растеряв спокойствие. Ему сложно было поверить, что Яррэ мог когда-то держать в руках клинок, а не поварёшку.

- Именно, - невесело рассмеялся слуга. – Но это было очень давно, во времена моей юности. Много воды утекло с тех пор, я стал совсем другим человеком, как видишь.

- Но почему?

- На меня пало проклятие, - воспоминания исказили обычно спокойные черты лица Яррэ. Из глубины показался злой хищник, изголодавшийся по охоте. – Я нарушил кодекс воителей, и был жестоко наказан за это.

Рэн молчал. Получается, у местных воинов есть строгий свод правил, которому они обязаны неукоснительно следовать? Это необычно, но, в какой-то мере, правильно. Однако в мире, где веками властвует война, разве возможно соблюдать законы? Наверняка даже сами Грандиозные давным-давно наплевали на всю мораль, позволив людям вгрызаться друг в друга, не щадя никого: ни женщин, ни детей, ни стариков.

- Что ты сделал?

- Я предал своего господина, - Яррэ помрачнел, опустил взгляд, уставился в землю. Мальчик видел, как тяжело даются бывшему воину воспоминания далёких дней, но он сам начал рассказ.

- Я поддался искушению и звону монет, продал свой клинок другим людям и убил господина, - помертвевшими губами произнёс слуга. – И тогда на меня пало самое страшное проклятие воина.

- Какое? – прошептал Рэн, ощущая необъяснимую дрожь. Почему-то он боялся услышать ответ Яррэ.

- Я утратил способность убивать.

Мальчик шумно выдохнул, сердце быстрее забилось в груди. Да, он предполагал, что именно это произошло с Яррэ.

Когда-то, в другой жизни, подобная участь настигла и Аррида. Тёмный бог пресытился убийствами и не смог больше поднять свой меч на кого-либо. Даже когда близкие соратники предали его, Аррид позволил им убить себя, испытывая ненависть, но не смог взять в руки клинок и обагрить его кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.